Девушка, которая должна умереть

Автор:
Давид Лагеркранц

Девушка, которая должна умереть

Давид Лагеркранц

Лисбет Саландер, великий хакер и неутомимый борец за справедливость, столько раз глядела в лицо смерти, что и сама уже не вспомнит. Столько раз она шла навстречу своей гибели, без страха и раздумий, – и всякий раз оставалась жива. Но в этот раз смерть сама решила прийти к ней. И она отнюдь не безлика – у нее лицо… родной сестры Лисбет. Камилла решила раз и навсегда покончить с той, кого она ненавидела всю свою жизнь. Она долго готовилась, копила силы и ненависть. Выжидала. И наконец дождалась. Лисбет Саландер должна умереть…

Давид Лагеркранц

Девушка, которая должна умереть

David Lagercrantz

HON SOM M?STE D?

© Боченкова О.Б., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Этим летом в квартале объявился новый нищий.

Никто не знал его имени. Последнее вообще никого не заботило, даже молодую пару, которой он попадался на глаза каждое утро. Они называли его «сумасшедший карлик», и это было несправедливо по крайней мере наполовину. Рост нищего – сто пятьдесят четыре сантиметра, при довольно пропорциональном сложении вполне укладывался в рамки медицинской нормы. Зато привычка бросаться на людей, выкрикивая нечто невразумительное, явно указывала на отклонения в психике.

В перерывах между приступами, то есть бо?льшую часть дня, нищий просил подаяния на площади Мариаторгет, рядом с фонтаном и статуей Тора. Он умел делать это с гордо поднятой головой, поэтому имел неплохие сборы. Его полный достоинства взгляд внушал прохожим почтение и мысли о поруганном величии, совсем недалекие от истины.

На щеке нищего чернело пятно, словно отметина самой смерти. Но самым примечательным была его куртка – дорогой пуховик «Монклер», некогда голубого цвета. Она нисколько не приближала нищего к миру нормальных людей, и не только потому, что была покрыта слоем грязи. В Стокгольме стояло лето, и по щекам попрошайки струился пот. Один его вид навевал мысли о страданиях под палящим солнцем. При этом, похоже, никакая африканская жара не смогла бы заставить беднягу снять это сокровище.

Таких называют ходячими мертвецами. Верилось с трудом, что малыш с Мариаторгет мог представлять собой опасность для кого бы то ни было. Впрочем, в начале августа в нем появились признаки некоторого оживления. А вечером одиннадцатого числа нищий приклеил на автобусной остановке, неподалеку от станции Сёдра, листок формата А4 с отпечатанным на принтере текстом. Это было описание некоего кошмарного шторма. Совершенно бредовое; тем не менее молодому врачу Эльсе Сандберг, ожидавшей на остановке автобус четвертого маршрута, удалось расшифровать отдельные фразы, где, помимо прочего, упоминался известный политик.

В целом доктор Сандберг сосредоточилась на медицинской стороне проблемы и была готова диагностировать параноидальную шизофрению, когда вдруг подошел автобус, и случай забылся сам собой, оставив в душе неприятное послевкусие. Текст напоминал мутные пророчества Кассандры[1 - Кассандра – легендарная пророчица, предрекшая гибель Трои.]; истина, если и была в нем, облекалась таким слоем невразумительного бреда, что не вызывала никакого доверия.

Тем не менее шизофреническое откровение возымело действие. Во всяком случае, на следующее утро возле автобусной остановки припарковался голубой «Ауди», и вышедший из него парень в белой рубашке сорвал листок со стены.

В ночь на субботу пятнадцатого августа нищий подался в Нурра-Банторгет, за выпивкой. Там он повстречался с другим пьяницей, бывшим заводским рабочим Хейкки Йервиненом, с Эстерботтена.

– Привет, брат. Что, совсем худо? – обрадовался Йервинен.

Ответа он не получил – во всяком случае, сразу. Лишь спустя несколько минут малыш с Мариаторгет разразился невразумительной тирадой, которая показалась Йервинену напыщенной и порядком разозлила. Тот обозвал старого приятеля хвастуном и добавил, сам не зная почему, что тот похож на китайца.

– Я… камба-хен… я ненавижу Китай! – взревел в ответ нищий и двинул Йервинену кулаком в лицо.

Малыш не выглядел ни суперменом, ни бойцом кунг-фу, но удар получился впечатляющим – возможно, из-за внезапности. Утирая кровь с разбитой губы и бормоча финские проклятия, Хейкки ретировался в сторону метро.

В следующий раз нищий появился в своем квартале в сильном подпитии. Изо рта его свисала струйка слюны. Малыш держался за горло и не переставая бормотал на ломаном английском:

– Я очень устал… Нужно найти дхарамсалу и лхаву… хорошего лхаву… вы не знаете где?

Получить ответ на свой вопрос он, похоже, не рассчитывал. Шатаясь на нетвердых ногах, пересек Рингсвеген, после чего бросил на землю наполовину выпитую бутылку без этикетки и скрылся в зарослях кустов в парке Тантолунден.

Что происходило потом, никто не видел. Но утром следующего дня пошел дождь и задул ветер с севера. А часам к восьми, когда небо прояснилось, труп малыша обнаружили в парке прислоненным к березе в сидячем положении.

Город готовился к празднику летнего солнцестояния. Никому не было дела до мертвого бродяги, который прожил жизнь, исполненную страданий, и умер мученической смертью. Еще меньше заботило людей, что покойный всю жизнь любил одну женщину, которая так же, как и он, окончила свои дни всеми брошенной и в жутком отчаянии.

Часть I. Неопознанные

Немало мертвецов навсегда остаются безымянными; некоторые из них не обретают даже могилы.

Иные, впрочем, удостаиваются белого креста, как на американском военном кладбище в Нормандии.

Другим посвящают монументы, вроде парижской Триумфальной арки или памятника Неизвестному солдату в Александровском саду в Москве.

Глава 1

15 августа

Писательница Ингела Дюва первой осмелилась приблизиться к дереву и поняла, что человек мертв. Это произошло около половины двенадцатого пополудни.

Тело распространяло невыносимый запах, вокруг него роились мухи и другие насекомые.

Ингела лукавила, когда говорила позже, что открывшееся ей зрелище было по-своему трогательным и даже внушало почтение. Как видно, малыша хорошо пронесло в последние часы жизни, и он сидел в луже рвоты и кала. Желудок Ингелы чуть не вывернуло наизнанку от омерзения и ужаса, потому что в голову сама собой закралась мысль о собственной смерти.

То же касалось и полиции. Сандра Линдваль и Самир Эман, прибывшие на место происшествия спустя четверть часа после звонка Ингелы, не нашли оснований для возбуждения уголовного дела.

Они сфотографировали труп и обыскали парк до самого спуска к Цинкенс-вег, где лежала наполовину выпитая бутылка с чем-то похожим на мелкий гравий на дне. Полицейские тщательно осмотрели голову и грудь покойного и, не обнаружив следов насилия, после короткого совещания с начальством, решили не устанавливать оцепление.

В ожидании медиков прошлись по карманам окончательно потерявшего форму некогда голубого пуховика. Там обнаружилось много вощеной бумаги, в какую заворачивают сосиски в уличных кафе, несколько монет, двадцатикроновая купюра, кассовый чек из магазина канцтоваров на Хорнсгатан – и ни малейшего намека на личность покойного.

Утешало, что недостатка в особых приметах не было, поэтому опознание не представлялось делом безнадежным, но и здесь полицию ждало разочарование. Труп вскрыли в отделении судмедэкспертизы в Сольне, отпечатки пальцев и рентгеновские снимки зубов пробили по базам – ни единого совпадения. Наконец данные передали в Национальный центр судебной экспертизы, где доктору Фредрике Нюман первой пришло в голову проверить телефонные номера, записанные на бумажке, найденной в кармане брюк мертвеца. Один из них принадлежал журналисту Микаэлю Блумквисту, и это насторожило доктора Нюман, но не более того.

Лишь спустя несколько часов, уже вечером, после громкой ссоры с дочерью-подростком, Фредрика Нюман снова вспомнила о безымянном покойнике из парка. Только за последний год она вскрыла три неопознанных тела, и каждый

случай повергал ее в состояние глубокой депрессии.

Доктору Нюман было сорок девять лет. Она в одиночку растила двоих детей, мучилась болями в спине, бессонницей и осознанием бессмысленности жизни.

В тот вечер, сама не зная зачем, она позвонила Микаэлю Блумквисту.

* * *

Когда мобильник завибрировал, Микаэль, в льняных брюках и мятой джинсовой рубашке, прогуливался по Хорнсгатан в направлении Шлюза и Гамла Стана. Увидев незнакомый номер, он отклонил вызов. Побродил еще немного по окрестным переулкам, устроился за столиком уличного кафе на Эстерлонггатан и заказал «Гиннесс».

Времени было семь вечера, но жара все еще держалась. Со стороны Шеппсхольмена слышались смех и аплодисменты. Глядя в голубое небо и чувствуя на лице освежающий морской ветерок, Микаэль почти поверил, что жизнь не такая уж глупая шутка. И все-таки убедить себя в этом до конца ему не удалось, даже после двух кружек пива. Блумквист расплатился и решил было вернуться домой, к работе, детективам или какому-нибудь телесериалу, как вдруг передумал – и, сам не заметив как, очутился на пути к Фискаргатан, где в доме номер 9 жила Лисбет Саландер.

Собственно, Микаэль не особенно надеялся застать ее дома. После смерти своего старого опекуна Хольгера Пальмгрена Лисбет отправилась путешествовать по Европе и далеко не всегда отвечала на звонки и эсэмэски. Тем не менее он решил попытать счастья и пошел по поднимающейся от площади лестнице. Стена дома напротив была покрыта граффити. У Микаэля не было времени его разглядывать, но сюрреалистическая картинка поневоле привлекла внимание. Особенно бросился в глаза маленький веселый человечек в брюках в шотландскую клетку, стоявший босиком на крыше зеленого вагона метро.

Блумквист набрал код на двери и вошел в подъезд. В лифте посмотрелся в зеркало. Все такая же бледная кожа, запавшие глаза – непохоже, чтобы это солнечное лето что-нибудь изменило в его жизни. Весь июль Микаэль только и

думал, что о крахе фондового рынка. Та еще история, и кризис был вызван не только неоправданным взвинчиванием ставок, но и хакерскими атаками, и намеренной дезинформацией. Едва ли не каждый более-менее заметный журналист так или иначе отметился в этом деле. Но даже если Блумквисту и удалось что-то нарыть – к примеру, выяснить, какая из фабрик троллей[2 - Троллинг – форма социальной провокации или издевательства в сетевом общении, использующаяся как персонифицированными участниками, заинтересованными в большей узнаваемости, публичности, эпатаже, так и анонимными пользователями без возможности их идентификации. Методы троллей – провокация и подстрекательство, сознательный обман, клевета, возбуждение ссор и раздоров, призыв к неблаговидным действиям.] в России распространяла самую опасную ложь, – что-то подсказывало ему, что мир выстоял бы и без его, Блумквиста, вмешательства. Наверное, сейчас, как никогда, имело смысл взять отпуск, заняться спортом и… Эрикой, которая, похоже, решилась-таки на развод с Грегером.

Наконец лифт остановился. Открыв стеклянную дверь, укрепленную стальными прутьями, Блумквист вышел на лестничную площадку. Теперь он почти не сомневался, что напрягался напрасно. Лисбет, конечно, не было дома. Она уехала, наплевав на его чувства.

Но в следующий момент его охватило нешуточное беспокойство. Дверь в ее квартиру стояла нараспашку. Микаэлю вдруг вспомнились все ужасы этого лета и похищение Лисбет «гангстершей» Бенито и ее приспешниками, чудом не окончившееся плачевно[3 - Об этом рассказывается в романе Д. Лагеркранца «Девушка, которая искала чужую тень».]. Блумквист решительно шагнул через порог. В нос ударил запах краски и моющих средств.

– Привет! Эй…

Дальше он не пошел, потому что за спиной послышались тяжелые шаги. Кто-то, пыхтя, поднимался по лестнице. Обернувшись, Микаэль увидел двух крепких мужчин в голубых комбинезонах. Они втаскивали наверх какой-то тяжелый предмет и выглядели до такой степени озабоченными и серьезными, что Блумквист насторожился.

– Что это вы делаете? – спросил он.

– А вы как думаете? – отозвался один.

Что обо всем этом можно было подумать, в самом деле? Два грузчика пытались втащить в квартиру шикарный голубой диван. Но Лисбет, насколько Блумквист ее знал, не интересовалась дизайнерской мебелью. Вообще, обустройство жилья было последним, что занимало ее в жизни. Не успел Микаэль высказать свои соображения на этот счет, как из квартиры послышался голос. Лисбет – как показалось Блумквисту в первый момент. И он уже обрадовался, когда вдруг понял, что выдал желаемое за действительное. Даже отдаленно этот незнакомый женский голос не имел с Лисбет ничего общего.

– О, какой гость… Чему обязана такой честью?

На пороге квартиры стояла высокая чернокожая женщина чуть за сорок, в джинсах, элегантной серой блузе и с волосами, заплетенными в мелкие косички. Встретив насмешливый взгляд живых раскосых глаз, Блумквист смутился. Неужели они знакомы?

– Нет, нет… – пробормотал он. – Я всего лишь… ошибся этажом.

– Или не знали, что молодая дама продала квартиру?

Этого он не знал. Женщина улыбалась, отчего новость поразила его вдвойне неприятно. Блумквист даже испытал что-то вроде облегчения, когда дама отвернулась от него и стала следить, чтобы грузчики не поцарапали дверную раму.

В любом случае, чтобы переварить сказанное, требовалось время. И по меньшей мере еще одна кружка «Гиннесса».

Тут Блумквист заметил, что над почтовой щелью появилась новая табличка – «Линдер». Что за Линдер, черт ее возьми?

Он достал мобильник.

Как же, вот она… Кади Линдер, психолог. Микаэль судорожно вспоминал; собственно, его занимала скорее Лисбет, чем эта Кади. Она снова возникла в

дверях, едва он успел собраться с мыслями. И теперь глядела скорее настороженно.

Глаза женщины блестели. От нее пахло духами. Она была стройной, с тонкими запястьями и четко обозначенными под блузой ключицами.

– Ну, теперь вы должны мне все рассказать. Так вы и в самом деле заблудились? – спросила она.

По ее улыбке Микаэль понял, что женщина видит его насквозь. Ему нужно было исчезнуть, и как можно скорее. Ничто не заставило бы Блумквиста открыть, что Лисбет жила здесь под вымышленным именем – вне зависимости от того, что уже было известно этой Кади.

– Тем не менее вы раздразнили мое любопытство.

Он рассмеялся, пытаясь обратить все в шутку.

– Неужели вы явились сюда не для того, чтобы следить за мной? – продолжала она. – Ну… если учесть, что квартиры здесь совсем не дешевые…

– Не беспокойтесь, – отозвался Блумквист. – Чтобы заинтересовать меня, вам нужно по меньшей мере подсунуть кому-нибудь в постель лошадиный труп.

– Не помню, чтобы когда-нибудь делала нечто подобное. – Она наморщила лоб. – Хотя…

– Ну вот и прекрасно! – воскликнул Микаэль с напускной легкостью. – В таком случае, всего хорошего.

Он медлил, потому что рассчитывал дождаться грузчиков, с тем чтобы задать им пару вопросов. Но Кади Линдер продолжала стоять, нервно теребя блузку и поправляя косички. И Блумквист вдруг понял, что вся ее самоуверенность – маска, за которой скрывается нечто совершенно противоположное.

– Вы ее знали? – спросил он.

– Кого?

– Девушку, которая здесь жила?

Она замотала головой.

– Н-нет… Не знаю даже, как ее зовут. Тем не менее она мне нравится.

– То есть? – не понял Блумквист.

– За эту квартиру шла настоящая война, несмотря на весь хаос на бирже. И у меня не было бы никаких шансов, но… «молодая дама» пожелала, чтобы здесь жила я, так сказал адвокат.

– Забавно.

– Еще бы…

– Вы, наверное, сделали что-нибудь такое, что понравилось «молодой даме»? – предположил Блумквист.

– У меня бывали разногласия с правительством, о которых я не стеснялась заявлять в прессе.

– Да, такое вполне могло ей понравиться.

– Думаю, здесь другое… Может, войдете? Угощу вас пивом по случаю новоселья… – Она снова замялась. – И вообще… я читала ваш репортаж о близнецах… Очень, очень захватывающе…

– Спасибо, – ответил Блумквист. – Приятно слышать, но мне надо идти.

Она кивнула, выдавила из себя что-то вроде «пока» и «всего хорошего». Остальное Микаэль помнил плохо. Он вышел из подъезда в летний вечер, не заметив ни воздушного шара, стоявшего в небе прямо над его головой, ни двух новых камер слежения над дверью.

И только на Урведерсгренд, почти у перекрестка с Гётгатан, замедлил шаг и почувствовал страшный упадок сил. Она съехала – всего-то… Собственно, он должен был приветствовать это решение, принятое Лисбет из соображений собственной безопасности. Но вместо этого у Блумквиста возникло чувство, будто ему только что влепили пощечину. Глупо, конечно…

Саландер – это Саландер, стоит ли обижаться? Могла бы намекнуть по крайней мере… Он хотел послать ей эсэмэску и достал было мобильник, но передумал. Пусть делает, что считает нужным.

На Хорнсгатан самые юные уже начали традиционный полуночный забег. Блумквист смотрел на родителей по обе стороны дороги. Их воодушевление оставалось за гранью его понимания. Не говоря о трудностях, которые оно создавало для пешеходов.

На Бельмансгатан мысли снова вышли из-под контроля, и Микаэль вспомнил последнюю встречу с Лисбет. Это было в ресторане «Кварнен», вечером после похорон Хольгера. Разговор за столом не клеился, это было понятно. Но одна фраза Лисбет запала Блумквисту в память.

– Что ты теперь намереваешься делать? – спросил он.

– Теперь я буду кошкой, – ответила Лисбет. – Надоело быть крысой.

Вот так.

Напрасно Блумквист пытался вытянуть у нее хоть какое-нибудь объяснение. Лисбет была в черном костюме – ни дать ни взять озлобленный мальчишка, которого заставили вырядиться на свадьбу. И случилось-то все в начале июля, а кажется, так давно…

Блумквисту не хотелось больше об этом думать. Дома он сел на диван и не успел налить себе «Пилснер Урквел», как зазвонил мобильник.

Это была патологоанатом Фредрика Нюман.

Глава 2

15 августа

Лисбет Саландер сидела перед включенным ноутбуком в номере отеля на Манежной площади в Москве и наблюдала, как Микаэль Блумквист выходил из подъезда дома на Фискаргатан. Лисбет смутил его растерянный вид. Она испытала даже нечто вроде угрызений совести. Оторвала взгляд от монитора и посмотрела за окно, на переливающийся всеми цветами радуги стеклянный купол.

Город, к которому Лисбет первые дни оставалась равнодушна, затягивал все больше. Уже хотелось, наплевав на все, напиться и удариться во все тяжкие. Глупые мечты, не более. Лисбет должна была держать себя в руках.

Большую часть времени она проводила за ноутбуком, иногда ночами напролет не смыкала глаз. И выглядела при этом на удивление подтянутой – со свежей стрижкой и без пирсинга, в белой рубашке и черном костюме, который носила с похорон Хольгера. И это не было знаком траура; просто Лисбет успела привыкнуть к одежде, которая, помимо прочего, позволяла ей более-менее вписаться в обстановку отеля.

Лисбет сменила тактику. Решила идти в наступление, вместо того чтобы, загнанной в угол, ждать нападения. Для этого она и приехала в Москву, и установила камеры у входа в подъезд своего дома на Фискаргатан. Но все оказалось сложней, чем она рассчитывала. Враги шли по пятам. Сделав шаг, приходилось часами заметать следы. Лисбет жила, как сбежавший из заключения преступник. Ничто не давалось легко, лишь после нескольких месяцев работы ей удалось хоть как-то приблизиться к цели. Но даже этот успех мог в любой момент обернуться иллюзией. Потому что никогда не было уверенности, что враг не идет на шаг впереди.

Вот и сегодня, проведя разведку и подготовившись к следующей операции, Лисбет не могла избавиться от ощущения, что за ней следят. Ночами вслушивалась в доносившиеся из коридора шаги. Некто – очевидно, мужчина, хромой или подволакивавший ногу – часто останавливался возле ее двери.

Лисбет еще раз прокрутила запись. Посмотрела на обиженное лицо Блумквиста, допила виски и перевела взгляд за окно. Темные тучи проносились над зданием Государственной думы в сторону Красной площади и Кремля. Собирался дождь, и, похоже, сильный. Лисбет встала. Самое время было принять душ или даже залечь в ванну.

Она ограничилась тем, что сменила рубашку. Выбрала черную, более подходящую ситуации. Из потайного отделения в дорожной сумке достала «Беретту», которую купила из-под полы уже на следующий день после приезда в Москву. Убрала оружие в кобуру с внутренней стороны пиджака и оглядела комнату.

Ей не нравился этот до неприличия дорогой отель. И не только из-за обилия надутых толстосумов, слишком напоминавших об отце. Здесь даже двери имели глаза, а стены – уши. Понимая, что каждое ее слово может быть незамедлительно передано гангстерам или сотрудникам спецслужб, Лисбет не расслаблялась ни на минуту.

Она прошла в ванную и плеснула себе в лицо холодной водой. Помогло не особенно. Бессонница сдавливала виски, глаза слипались. Лисбет прислушалась – в коридоре все тихо. Значит, можно идти.

Ее номер располагался на двадцатом этаже. Возле лифтов стоял мужчина лет сорока пяти, с коротко стриженными волосами, в джинсах и кожаной куртке, из-под которой выглядывала черная рубашка. Стильный, и Лисбет точно где-то видела его раньше. Что-то было не так с его глазами, которые не только имели разный цвет, но и блестели по-разному. Хотя Лисбет это совершенно не заботило.

Опустив глаза в пол, она спустилась с ним в фойе и вышла на площадь, со светившимся в сумерках стеклянным куполом с расчерченной на квадраты вращающейся картой мира. Чуть поодаль горел огнями торговый центр с пятью подземными этажами. Стеклянный купол венчала бронзовая статуя Святого Георгия, покровителя Москвы. В этом городе он был повсюду. И Лисбет инстинктивно завела руку за спину, словно хотела защитить своего дракона от его занесенного меча.

Движение отдалось болью в плече. Время от времени давала о себе знать старая огнестрельная рана. Она да шрам от ножа на бедре стали для Лисбет постоянным напоминанием о тех, кто причинил боль. Кроме того, она думала о матери и всем том, что той пришлось пережить. И при этом оставалась настороже, опасаясь попасться в объектив камеры наблюдения. Поэтому Лисбет передвигалась нервно, стреляя по сторонам глазами. Она направлялась в сторону Тверского бульвара – с его деревьями, арками и причудливо украшенными парадными подъездами, – пока не остановилась возле ресторана «Версаль»[4 - Ресторана «Версаль» на Тверском бульваре нет.].

Здание выглядело как дворец XVII века. Колонны, золоченый орнамент, хрусталь – полный набор барочных побрякушек. При одном только взгляде на все это Лисбет захотелось бежать, и как можно дальше. Между тем здесь намечалось торжество. Приготовления, по крайней мере, шли полным ходом. Из гостей пока подоспела одна красивая молодая особа – вне сомнения, девушка по вызову. Персонал так и метался по залу, наводя последние штрихи. Приблизившись, Лисбет увидела и хозяина праздника – Владимира Кузнецова.

Он стоял у входа, в белом смокинге и лакированных туфлях. Седой, бородатый, с круглым животом и тонкими ногами, Кузнецов походил на рождественского гнома. При том что стариком он, конечно, не был – чуть за пятьдесят, не больше. И имел свою историю успеха – историю проколовшегося вора, у которого вдруг открылись выдающиеся кулинарные способности, особенно по части медвежьих стейков под грибным соусом.

На самом деле Кузнецов представлял сеть троллинговых фабрик, распространявших ложные слухи, нередко с антисемитским подтекстом. Он не только сеял хаос и влиял на политические выборы. Руки этого «гнома» были запятнаны кровью. Он стоял за массовыми убийствами, угрожал крупному бизнесу. Лисбет напряглась, коснулась кобуры «Беретты» под пиджаком и огляделась.

Кузнецов нервно дернул бороду. Это был его вечер. В зале играл струнный квартет, который, насколько было известно Лисбет, позже должен был сменить джаз-банд «Русский свинг». Из-под струящегося черного балдахина вытекала красная ковровая дорожка, по сторонам которой тянулось веревочное оцепление и стояли вооруженные до зубов телохранители в серых костюмах и с наушниками. Никого из гостей пока не было. Похоже, затевалась какая-то игра.

Никто не хотел входить первым. Зато на улице не было недостатка в любопытных и желающих поглазеть. Очевидно, прошел слух, что в ресторане соберутся «звезды» бизнеса. Что ж, тем лучше. Значит, легче будет проникнуть в зал. Но тут пошел дождь, сначала моросящий, а потом сильный. Вдали над домами блеснула молния, прокатился гром, и народ начал расходиться. Лишь немногие, самые стойкие, остались и раскрыли зонты. Они были вознаграждены. Вскоре прибыли первые лимузины и гости. Кузнецов раскланивался. Дама возле него что-то отмечала в черной записной книжке. Постепенно зал заполнялся мужчинами среднего возраста и юными дамами. Причем численный перевес был явно на стороне последних.

Лисбет вслушивалась в доносящийся изнутри шум, смешанный с музыкой струнного оркестра. То там, то здесь мелькали знакомые лица. Она замечала, как менялось лицо Кузнецова в зависимости от статуса гостя. Каждый получал ту улыбку, которой заслуживал по мнению хозяина праздника. Перед самыми значительными Кузнецов даже упражнялся в остроумии, при этом смеялся только он.

«Гном» вилял хвостом, как заправский придворный лизоблюд, пока Лисбет, промокшая и замерзшая, любовалась спектаклем. Она увлеклась. Один из охранников заметил девушку и кивнул коллеге. Это было некстати, совсем некстати. Лисбет притворилась, что уходит, но вместо этого укрылась под ближайшей аркой. Руки ее дрожали, и вряд ли от холода.

Она напряглась до предела. Достала мобильный и еще раз все проверила. Один неверный шаг – и все пропало. Лисбет прокрутила в голове весь сценарий, потом еще и еще раз. Но время шло, и ничего не происходило. Лил дождь. Похоже, все приглашенные уже собрались в ресторане. Наконец ушел и Кузнецов, и Лисбет осторожно приблизилась и заглянула в зал. Праздник начался. Мужчины быстро расслабились, теперь они были заняты только девушками.

Саландер уже решила вернуться в отель, когда к ресторану причалил еще один лимузин. Одна из дам у входа устремилась за Кузнецовым, который появился весь взъерошенный, с блестевшими на лбу каплями пота и бокалом шампанского в руке. Должно быть, прибыла важная птица. Лисбет поняла это по глупому виду Кузнецова, поведению охраны и витающему в воздухе общему беспокойству.

Она отступила в свое укрытие, но из лимузина никто не выходил. Кузнецов то поправлял «бабочку», то утирал пот или нервно приглаживал волосы. Он втянул

живот, осушил бокал, и Лисбет перестала дрожать. Она прочитала во взгляде Кузнецова нечто хорошо знакомое, что придало ей уверенности начать хакерскую атаку.

Запустив программные коды, Лисбет сунула мобильник в карман и снова сосредоточилась на наблюдении. Ни напряжение в позах охранников, вот-вот готовых выхватить оружие, ни красная дорожка за их спинами, ни пузырящиеся лужи на асфальте – ничто не должно было выпасть из поля ее зрения ни на долю секунды.

Наконец из лимузина показался водитель, сложил зонтик и открыл заднюю дверь. Медленно, почти кататонически[5 - Кататонический синдром – психическое расстройство, выражающееся в том числе в крайней заторможенности движений.], Лисбет сделала несколько шагов в сторону улицы и остановилась, нащупывая под пиджаком пистолет.

Глава 3

15 августа

Ничто не раздражало Микаэля так, как его мобильник. Собственно, давно было пора обзавестись секретным номером, и Блумквист не делал этого только потому, что, как журналист, не хотел закрываться от общества. Но никчемные разговоры становились все невыносимее, звонившие – грубей и нетерпеливей, их советы – все безумней. Наконец Микаэль перестал отвечать на вызовы с незнакомых номеров. Просто игнорировал жужжание мобильника в кармане, пока тот не умолкал. А если по какой-то причине и брал трубку – как получилось и на этот раз, – инстинктивно морщился, предчувствуя недоброе.

– Микаэль. – Он дернул дверцу холодильника и достал бутылку пива.

– Простите… – ответил смущенный женский голос. – Мне перезвонить позже?

– Нет, нет, всё в порядке, – успокоил даму Блумквист. – Я слушаю вас.

– Меня зовут Фредрика Нюман, я врач Центра судебной экспертизы в Сольне.

Микаэль похолодел.

– Что случилось?

– Собственно, ничего необычного… Вряд ли это покажется вам интересным, но у нас труп…

– Женщина? – перебил собеседницу Блумквист.

– Нет, нет, мужчина, с большой долей вероятности. Звучит странно, тем не менее… Это мужчина, лет шестидесяти или чуть моложе, и то, через что он прошел… это ужасно. Я никогда не видела ничего подобного.

– Гм… а если ближе к делу?

– Простите, так неудобно вас беспокоить… Видите ли, он бездомный, это очевидно. Необыкновенно жалкий, даже для этой среды. Мне и в голову не пришло бы заподозрить в нем вашего знакомого, если бы…

– Так при чем здесь я? – Микаэль чувствовал, что начинает терять терпение.

– У него в кармане бумажка с вашим номером.

– Ну, мало ли у кого есть такая бумажка, – оборвал ее Блумквист и тут же застыдился своей бестактности.

– Понимаю вас, – продолжала женщина. – Но здесь особый случай – по крайней мере, для меня лично…

– То есть?

– Я вдруг поняла, что даже последние из нас имеют право на уважение после смерти.

– Само собой, – согласился Микаэль.

– Именно, – продолжала женщина. – И Швеция всегда была в этом отношении цивилизованной страной. Но неопознанных трупов год от года все больше, и я уже не знаю, что делать. И теперь вот еще один человек, еще одна жизнь, выброшенная на помойку…

– Все так. – Микаэль окончательно растерялся и, плохо понимая, что делает, подошел к столу с компьютером.

– Это так тяжело, понимаете… Но нам вечно чего-то не хватает… ресурсов, времени… А скорее всего, желания… Вот и теперь я не вижу в этом случае никакой перспективы.

– Почему вы так говорите?

– Потому что не обнаружила в наших базах и намека на этого мертвеца. Потому что, судя по всему, он не имел никакого веса… Он – ноль, никто, понимаете?

– Печально, – вздохнул Микаэль, листая файлы, которые в течение нескольких лет собирал для Лисбет.

– Надеюсь, что я все-таки ошибаюсь… Я только что отправила пробы на анализ. Быть может, скоро мы узнаем об этом человеке больше. Но сейчас я дома, и мне вдруг захотелось ускорить процесс… Вы живете на Бельмансгатан, ведь так? Это совсем не далеко от того места, где его нашли. Просто мне подумалось… вы ведь могли встречаться, даже разговаривать по телефону…

– Где его нашли?

– В Тантолундене. Если вы его видели… его невозможно забыть. Кожа смуглая… очень смуглая и грязная, с глубокими морщинами. Лицо, которое знало и палящее солнце, и жестокие зимние морозы… Редкая борода… На теле следы обморожений, на нескольких пальцах на руках и ногах не хватает фаланг. Мускульные связки хранят следы крайнего напряжения. Он похож на выходца из Юго-Восточной Азии и, наверное, когда-то выглядел совсем не плохо. Черты лица правильные, я бы даже сказала, благородные, это видно, несмотря ни на

что… Из-за больной печени кожа имеет желтоватый оттенок. На щеках черные пятна – участки мертвой ткани. Вы, конечно, знаете, что на этой стадии определить возраст можно разве приблизительно. Около шестидесяти, как я уже сказала. И еще… организм долго находился в состоянии крайнего обезвоживания. Он довольно невысок, максимум полтора метра…

– Ни о чем не говорит, – перебил собеседницу Микаэль. – Не помню, чтобы когда-нибудь встречал такого.

Он искал сообщения от Лисбет и не находил ни одного. Похоже, на этот раз она решила обойтись без него, и эта неизвестность беспокоила Блумквиста больше всего. Он будто чувствовал, что Лисбет в большой опасности.

– Но я не закончила, – продолжала Фредрика Нюман. – Я не сказала о самом интересном – о его куртке.

– Что же в ней такого интересного?

– Она такая объемная и теплая… в такую-то жару, вы меня понимаете?

– То есть, по-вашему, он должен был броситься мне в глаза…

Блумквист выключил компьютер, выглянул в окно на Риддарфьерден и вот уже в который раз подумал о том, что Лисбет поступила мудро, сбежав отсюда.

– Тем не менее не бросился, – печально подытожила она.

– Нет… – Микаэль задумался. – Можете переслать мне снимки?

– Но… – Фредрика, в свою очередь, замялась. – Не знаю, насколько это этично…

– Отчего он умер, как вы думаете?

Блумквист все еще не мог сосредоточиться на разговоре. Мыслями он был с Лисбет, по крайней мере, отчасти.

– Первое, что приходит в голову, – алкогольное отравление; во всяком случае, он вонял спиртом, и не исключено, что успел принять что-нибудь еще… Я сделала скриниг-анализ, который охватывает больше восьмисот веществ… В ближайшие несколько дней получу результаты из лаборатории, тогда буду знать больше. Но есть и другие причины – больные органы, увеличенное сердце…

Микаэль сел на диван, глотнул из бутылки «Пилснера».

– Вы меня слышите? – раздался в трубке голос медэксперта.

Очевидно, журналист молчал слишком долго.

– Да, конечно… Извините, задумался.

– О чем?

О Лисбет, конечно.

– О том, что, это, наверное, к лучшему, что у него оказался мой номер.

– То есть? – удивилась женщина.

– Похоже, вашему бездомному было что рассказать, и этим он может заинтересовать полицию… Знаете, правоохранительные органы не в восторге от сотрудничества со мной… такое впечатление, что они меня боятся.

Фредрика Нюман хихикнула:

– Еще бы.

– …или иногда я их раздражаю.

«Иногда я сам себя раздражаю», – мысленно добавил Блумквист.

– Будем надеяться, что они все-таки заинтересуются.

– Будем.

Микаэль хотел завершить этот разговор как можно скорее и остаться наедине со своими проблемами, но у Фредрики Нюман, похоже, были на этот счет другие планы.

– Он из тех, кого стараются забыть как можно скорее, – продолжала она. – Вычеркнуть, сделать вид, что ничего не было, так?

– Именно.

– Только не для меня. У меня возникло такое чувство…

– Какое?

– Будто его тело хочет нам что-то сказать.

– Тело? Каким образом?

– Он прошел огонь и воду, прежде я не видела ничего подобного.

Она повторялась.

– Крутой парень, – усмехнулся Блумквист.

– Возможно, но я не об этом. Он был потаскан и невообразимо грязен. Он жутко вонял, и тем не менее… В нем чувствовалось благородство, понимаете? Нечто такое, что заставляло уважать его, несмотря ни на что… Он сражался, боролся…

– Старый солдат?

– Не знаю. Следов боевых ранений я, по крайней мере, не нашла.

– Тогда что? Выходец из какого-нибудь дикого племени?

– Вряд ли. Он лечился у стоматолога и, судя по всему, умел читать и писать. На левом запястье татуировка в виде колеса Сансары… Знаете, такой буддистский символ?

– Ясно.

– Что вам ясно?

– Что этот бродяга чем-то зацепил вас. Думаю, мне стоит проверить голосовую почту. Что, если он все-таки пытался со мной связаться?

– Спасибо, – отозвалась Фредрика Нюман.

Наверное, она говорила что-то еще. Блумквист не слушал, целиком уйдя в свои мысли. Когда она завершила разговор, он в задумчивости сидел на диване. С улицы доносились аплодисменты и крики ликования. Микаэль провел рукой по волосам. Прошло верных три месяца с тех пор, как он в последний раз был в парикмахерской. В конце концов, так нельзя. Пора заняться собой. Хватит работать на износ. Он должен жить и наслаждаться жизнью, как другие, и даже время от времени отвечать на звонки. К черту репортажи…

Блумквист вошел в ванную, но ее вид не улучшил ему настроения. На сушилке висело белье. Раковина пестрела пятнами засохшей зубной пасты. Он подумал о теплой куртке мертвого бродяги. В самый разгар лета это выглядело по меньшей мере странно, но сосредоточиться как следует все равно не получалось. Слишком много мыслей теснилось в голове. Микаэль взял полотенце и вытер зеркало. Потом сложил белье, достал мобильник и открыл голосовую почту.

Тридцать семь пропущенных вызовов – это невероятно. Кем надо себя возомнить, чтобы допустить такое? Пристыженный Микаэль стал открывать сообщения одно за другим. Но боже мой, что это были за люди? Одни обращались к нему с предложениями и советами и выглядели более-менее дружелюбно. Но большинство вопили как разъяренные монстры – «Что-то ты там недоговариваешь насчет мигрантов!» «Ты темнишь с мусульманами, признайся!» «Ты покрываешь евреев-финансистов»…

Микаэль будто с головой окунулся в вонючую болотную жижу. Несколько раз хотел все бросить, но продолжал слушать дальше, пока не наткнулся на нечто такое, что заметно выбивалось из общего потока агрессии и недовольства. Блумквист даже растерялся от неожиданности.

– Hello, hello, – произнес голос на ломаном английском. – Come in, over[6 - Привет, привет… входи, прием (англ.).].

Интонация позывных в «уоки-токи»[7 - «Уоки-токи» – мобильная радиостанция.], за которыми последовала еще пара непонятных слов, похоже, на каком-то другом языке. В них отчетливо звучало отчаяние. Был ли это бездомный Фредрики Нюман? Не исключено.

Но с тем же успехом странный голос мог принадлежать кому угодно. Микаэль нажал кнопку отбоя и подумал было позвонить Малин Фруде или кому-нибудь другому, кто мог бы поднять ему настроение, но вместо этого отправил шифрованное сообщение Лисбет. В конце концов, какое для него имеет значение, что она не хочет его знать?

Он был и остается с ней связан.

* * *

На Тверской бульвар обрушился ливень. Камилла – или Кира, как она себя здесь называла, – села в лимузин с водителем и телохранителями и посмотрела на свои длинные ноги.

На ней было платье от «Диор», красные туфли на высоком каблуке от «Гуччи» и ожерелье с бриллиантом «Граф Виттельсбах», мерцавшее голубым в низком декольте. Камилла была ослепительна, и именно поэтому не спешила покидать заднее сиденье. Она предвкушала привычное удовольствие – наблюдать, как мужчины теснятся и глазеют со всех сторон, как некоторые из них застывают на месте, когда она выходит из машины. Редко кто осмеливался сделать Камилле комплимент или посмотреть в глаза.

Блистать – это она любила больше всего на свете. Но сегодня Камилла сидела, прикрыв глаза, и слушала дождь, барабанивший по капоту. Потом посмотрела

сквозь тонированное стекло – ничего интересного. Жалкая кучка мужчин и женщин под зонтами. Похоже, им нет никакого дела ни до шикарного лимузина, ни до того, кто в нем приехал. Она перевела взгляд на ресторан. За стеклом веселились гости, играла музыка – скрипка и виолончель… Вот и он здесь, слава богу. Кузнецов выбежал на улицу, выпучив свиные глазки. Жалкий паяц… Стоило выйти только ради того, чтобы влепить ему пощечину.

Но до такого Кира-Камилла не могла опуститься. Она должна была оставаться во всем королевском блеске, ни единым мускулом не выдавая ни глубины падения, ни крайней степени раздраженности по поводу того, что до сих пор так и не нашла сестру. Камилла думала, это будет несложно, после того как узнала ее адрес. Но Лисбет как сквозь землю провалилась, и никакие связи в ГРУ[8 - ГРУ – Генеральное разведывательное управление, орган внешней разведки Министерства обороны РФ.], ни даже сам Галинов не помогли напасть на ее след. Там знали только о хакерских атаках на кузнецовские фабрики троллей и другие объекты и что все это могло иметь отношение к Лисбет. Но ни о том, где она, ни о других участниках акций не имели ни малейшего представления. Со всем этим давно было пора разобраться. В конце концов, она устала…

Послышался отдаленный раскат грома. Мимо проехала полицейская машина. Камилла достала зеркальце и улыбнулась себе – это всегда придавало ей силы. Потом снова перевела глаза на Кузнецова. Тот дергался, постоянно поправляя то «бабочку», то воротник. Что ж, идиот нервничает, уже неплохо. Пусть попотеет – все лучше, чем его дурацкие остроты.

– Пора… – Камилла выжидательно посмотрела на водителя Сергея, открывавшего дверцу заднего сиденья.

Телохранители тут как тут. Она медлила, пока Сергей доставал зонт. Потом поставила на асфальт ногу, ожидая реакции толпы. Но ничего не было слышно за дождем, надрывным пением струнных и гулом веселья, и Камилла решила держаться отстраненно и холодно.

Она успела увидеть, как просиял Кузнецов, как распахнул объятия, собираясь ее приветствовать, прежде, чем заметила кое-что еще, что заставило ее поежиться, словно от вдруг подступившего холода. А именно, нечто движущееся в ее сторону из-под арки справа. Камилла разглядела темную фигуру, державшую руку за пазухой пиджака. Тут бы крикнуть охрану или просто броситься на землю, но вместо этого она застыла на месте, словно нутром

поняла, что малейшее неосторожное движение может стоить ей жизни.

Между тем фигура приближалась. И Камилла уже догадывалась, кто это, хотя под аркой вырисовывался лишь нечеткий контур, тень. Слишком узнаваема была эта зловещая целеустремленность. И, еще не успев сформулировать для себя этот неутешительный вывод, Камилла поняла, что пропала.

Глава 4

15 августа

Могли ли они встретиться как-нибудь иначе, не стать врагами? Не исключено, несмотря ни на что. В конце концов, одно время кое-что их объединяло – ненависть к отцу, Александру Залаченко, и страх того, что он убьет их мать Агнету.

Сестры делили похожую на одиночную камеру комнатку в квартире на Лундагатан в Стокгольме. Все было слышно, когда отец – пьяный, пропахший спиртом и табаком – насиловал мать в спальне. В эти страшные минуты Лисбет и Камилла сидели, прижавшись друг к дружке. Какое-никакое, а утешение. За неимением лучшего, разумеется, и все-таки… Их сблизил ужас и ощущение полной незащищенности. Потом у них отобрали и это.

Когда девочкам исполнилось по двенадцать лет, Залаченко еще больше ожесточился. Когда он жил в их квартире, насиловал Агнету каждый вечер. Но и сестры тоже изменились; это чувствовалось по странному блеску, появившемуся в глазах Камиллы, и вышколенной «модельной» грации, с которой она теперь двигалась, когда выходила встречать в дверях отца.

Именно тогда все решилось. Когда битва стала смертельной, сестры взяли враждующие стороны, и пути к примирению оказались отрезаны. Особенно после того как Агнета, после избиения на кухонном полу, получила неизлечимое повреждение мозга, а Лисбет облила Залаченко «коктейлем Молотова» и смотрела, как отец заживо сгорал на переднем сиденье своего «Мерседеса».

Тогда все стало всерьез, не на жизнь, а на смерть. Прошлое превратилось в бомбу, готовую взорваться в любой момент. И теперь, когда спустя столько лет Лисбет выходила из-под темной арки на Тверском бульваре, жизнь на Лундагатан промелькнула в ее памяти с быстротой молнии в виде отдельных, сменявших друг друга сцен.

Лисбет была здесь и сейчас. Она видела перед собой просвет, куда стрелять, и не сразу осознавала свои действия. Передвигалась, как в замедленной съемке, и только когда Камилла, в черном платье и туфлях на высоком каблуке, ступила на красную ковровую дорожку, прибавила шагу, оставаясь бесплотной тенью.

В ресторане играли струнные, звенели бокалы, а снаружи все время лил дождь. Капли плясали на мокром асфальте. Мимо проехала полицейская машина. Лисбет перевела взгляд на охрану и спросила себя, когда они ее заметят, до выстрела или после? Предугадать было невозможно, тем не менее все затягивалось. Сумерки сгущались, на улицы опустился туман, и Камилла наконец привлекла к себе всеобщее внимание.

Сестра оказалась в своей стихии. О, она всегда была мастерицей немых сцен… Глаза Кузнецова загорелись, совсем как у мальчишек на школьном дворе много лет назад. Эту силу Камилла получила с рождения. Лисбет следила за каждым ее шагом, за Кузнецовым, который вдруг подтянулся и развел руки в приглашающем жесте, за столпившимися в окнах любопытными гостями.

В этот момент со стороны улицы раздался голос, которого Лисбет, можно сказать, ждала – «вон там, смотрите». Один из телохранителей, блондинистый крепыш с плоским носом, указывал на нее пальцем. Дальше ждать было нечего.

Лисбет поднесла руку к кобуре «Беретты». Сразу стало холодно внутри – совсем как в тот день, когда она метнула в отца молочный пакет с бензином. Камилла застыла в ужасе. По меньше мере три охранника уставили на Лисбет черные дула. Оставалось действовать – молниеносно и безжалостно.

Тем не менее Лисбет медлила – и сама не понимала почему. Чувствовала только, что она не только упустила свой единственный шанс, но и оказалась лицом к лицу перед целой армией врагов, и возможности отступить не оставалось.

* * *

Камилла не заметила ее колебаний. Она слышала лишь собственный крик и видела, как телохранители рванули оружие. Инстинктивно поняла, что все кончено и в любую секунду ее грудь может разорваться в клочья под градом пуль. Но атака задерживалась, и Камилла спряталась за спину Кузнецова. На какое-то время стихло все, кроме его тяжелого дыхания, а потом вдруг стало ясно, что колесо закрутилось в другую сторону.

Теперь опасности подвергалась не она, а темная фигура впереди, лица которой Камилла все еще не видела. Фигура склонила голову, занимаясь мобильником, и это была не кто иная, как ее сестра Лисбет. Ненависть обожгла Камиллу волной, запульсировала в горле. Увидеть, как Лисбет умирает в мучениях – это стоило больше, чем минута смертельного ужаса.

В общем, все складывалось лучше некуда. В то время как Камилла стояла окруженная стеной охранников в пуленепробиваемых жилетах, Лисбет одиноко мокла на тротуаре под дулами направленных на нее пистолетов. Это был миг, в котором хотелось остаться навсегда. По крайней мере, возвращаться к нему снова и снова. Лисбет была раздавлена, почти уничтожена. И Камилла крикнула, чтобы развеять последние сомнения охраны:

– Стреляйте же! Она хотела меня убить!

Секунду спустя и в самом деле прогремело нечто похожее на выстрел. Этот звук отозвался в теле Камиллы пронизывающей дрожью. Сестры она больше не видела, потому что вокруг сразу забегали люди. Но отчетливо представляла себе, как та истекает кровью на тротуаре под градом пуль.

Камилла ошиблась. То, что она приняла за выстрел, оказалось… Собственно, что это было – бомба, взрыв? У входа в ресторан творился невообразимый хаос. Как ни боялась Камилла пропустить момент гибели Лисбет, а не могла оторвать глаз от бушующего человеческого моря. Она ничего не понимала.

Виолончелисты перестали играть и с ужасом смотрели на улицу. Многие в зале зажали ладонями уши. Другие держались за сердце или просто кричали от страха, но большинство устремились к выходу. И только когда двери распахнулись и первые гости выбежали на дождь, Камилла поняла все. Никакой

бомбы не было. Причиной паники стала музыка, такой сумасшедшей громкости, что она не воспринималась как звук. Вибрирующая на немыслимой частоте воздушная волна – вот что превратило праздник Кузнецова в хаос.

– Что это… что это было? – захлебываясь, кричал лысый толстяк.

Особа лет двадцати в коротком темно-синем платье рухнула на колени, прикрывая руками голову, как будто на нее обрушивалась крыша. Кузнецов, который все еще стоял рядом, пробормотал что-то невнятное, и в этот момент Камилла осознала свою ошибку. Она упустила из вида сестру! И теперь ту не догнать, сколько ни пялься на тротуар и в окрестные подворотни.

Лисбет как сквозь землю провалилась. Камилла в отчаянии оглядела мечущуюся толпу, выругалась и заревела. Ее толкнули в плечо, она упала, стукнувшись головой и локтями о тротуар. Лежа на асфальте, посреди мелькающих ног, с кровоточащими губами и пылающим от боли лбом, услышала откуда-то сверху знакомый ледяной голос: «Пришло время расплаты, сестра! Месть близко!» – но была слишком ошеломлена, чтобы отреагировать.

Когда же Камилла подняла голову и огляделась, вокруг не было ничего, кроме людской мешанины. Она крикнула куда-то в толпу: «Убейте же ее!» – уже не надеясь быть услышанной.

* * *

Владимир Кузнецов не заметил, что Кира упала на землю. Он вообще не воспринимал творившегося вокруг безумия, потому что расслышал в нем нечто такое, что напугало его больше, чем все остальное, вместе взятое. Обрывки слов, пульсирующий ритм которых заставил Кузнецова усомниться в реальности происходящего.

– Нет, нет… это не может быть правдой… – бормотал он.

Но зловещий рефрен настигал его снова и снова, как ударная волна от взрыва гранаты.

Killing the world with lies.

Giving the leaders

The power to paralyze

Feeding the murders with hate,

Amputate, devastate, congratulate.

But never, never

Apologize[9 - Убить мир ложью, давая лидерам силы парализовывать. Подпитывать убийц ненавистью, ампутировать, опустошать, поздравлять… И никогда, никогда не просить прощения (англ.).].

Никакая другая песня в мире не нагоняла на Кузнецова такого ужаса, как эта. В сравнении с ней все остальное было ничто – включая сорванный праздник и едва не полопавшиеся барабанные перепонки обезумевших олигархов. Теперь Кузнецов мог думать только о ней, и неудивительно. Сам факт, что эта песня прозвучала здесь и сейчас, ясно указывал на то, что кто-то «наверху» разнюхал его главную тайну.

Теперь на кону стояла его репутация. Кузнецов рисковал быть опозоренным перед всем миром, и мысль об этом наполнила его грудь таким паническим страхом, что стало трудно дышать.

Тем не менее он сумел взять себя в руки. И даже изобразил на лице нечто вроде облегчения, когда кому-то из парней удалось наконец выключить дьявольскую сирену. После чего как ни в чем не бывало объявил:

– Прошу прощения, дамы и господа. Техника – явно не то, на что сегодня можно положиться. Еще раз тысяча извинений. Праздник продолжается; обещаю не экономить ни на выпивке, ни на…

Он оглядел толпу в поисках девушек по вызову, рассчитывая, что женская красота поможет разрядить обстановку. Но немногие попавшиеся на глаза юные особы вжались в стену и выглядели до смерти напуганными. Поэтому фраза Кузнецова повисла в воздухе, оборванная на полуслове. Его голосу не хватило уверенности ее закончить, это заметили все.

Он был в растерянности и как будто даже обрадовался, когда гости стали разъезжаться, а музыканты демонстративно прошли мимо него, объявляя тем самым конец веселью. Кузнецов хотел остаться наедине со своими мыслями и страхами. Позвонить в Кремль или кому-нибудь из адвокатов, лишь ради того, чтобы услышать утешительные заверения в том, что завтра он не будет опозорен на страницах западных газет как военный преступник…

Владимира Кузнецова защищали могущественные покровители, да и сам он был достаточно крупной шишкой, чтобы совершать задуманное, не испытывая угрызений совести. Но он оказался слаб, и это лучше всего продемонстрировала песня, исполненная на его празднике.

Она вернула его в прошлое, сделала Кузнецова тем, кем он был в самом начале, – уголовником низшего ранга, лишь благодаря исключительному стечению обстоятельств оказавшемуся в одной турецкой бане с двумя депутатами Госдумы. Он развлекал их воровскими историями. Кузнецов не блистал ни талантами, ни образованием, но умел рассказывать глупые истории, и этого оказалось достаточно.

Он пил и врал с три короба. В результате обзавелся влиятельными друзьями и стал работать как вол. И вот сегодня у него сотни подчиненных, и большинство из них умнее и образованнее его самого – математики, психологи, консультанты из ФСБ и ГРУ, хакеры, компьютерщики, инженеры, специалисты по IT[10 - IT – информационные технологии.] и робототехнике. Он богат и могущественен, и при этом как будто не связан ни с информационными бюро, ни с ложью.

Он сумел спрятать концы, остаться незапятнанным и до сих пор благодарил за это свою счастливую звезду. И даже не причастность к краху биржи – которой Кузнецов, по правде сказать, гордился, – а подрывная работа в Чечне, некогда взорвавшая СМИ и приведшая к массовым протестам и скандалу в ООН, стала причиной создания этого «хита» в стиле хард-рок.

Отныне без этой песни не обходилась ни одна демонстрация, а Кузнецов каждый раз дрожал от страха услышать в ней свое имя. Накануне праздника все как будто улеглось, и жизнь почти вернулась в нормальное русло. Кузнецов снова шутил и смеялся, принимал гостей, как сегодня вечером. И не успел как следует насладиться их обществом, как вдруг опять это…

– К дьяволу их всех.

– Вы что-то сказали?

Благородного вида господин в шляпе и с тростью глядел на него будто с насмешкой. Откуда здесь взялся этот тип? Послать его подальше Кузнецов побоялся, мало ли кто мог затесаться среди гостей… Оставалось дать вежливый ответ:

– Я просто выругался, извините.

– Вам следует уделять больше внимания вопросам IT-безопасности.

«Черт бы тебя подрал, ничем другим я и не занимаюсь», – мысленно ответил на это Кузнецов, а вслух сказал:

– Это здесь ни при чем.

– Что тогда?

– Что-то… с электричеством.

Ответ, рассчитанный на идиота. Может, это короткое замыкание запустило «Killing the world with lies»? Кузнецов застыдился, отвернулся и с преувеличенной приветливостью помахал последним гостям, исчезавшим в салонах такси. Ресторан опустел. Владимир высматривал Феликса, главного инженера. Куда запропастился этот молокосос?

Феликс обнаружился возле сцены, где разговаривал по телефону. Эта дурацкая бородка клинышком и смокинг, делавший юношу похожим на мешок с сеном, и раньше раздражали Кузнецова, а сегодня просто вывели из себя. Черт, или пройдоха не обещал ему, что все пройдет как по маслу? Кузнецов жестом велел Феликсу подойти. Тот отмахнулся, и это показалось Кузнецову слишком. Однако шеф успел остыть, пока Феликс наконец доковылял к нему неспешной походкой. Инженер выглядел совершенно беспомощным.

– Ты слышал песню? – спросил его Кузнецов.

– Да, слышал.

– Значит, кто-то из них пронюхал.

– Именно так.

– И что теперь будет?

– Не знаю.

– Думаешь, нас будут шантажировать?

Феликс молча кусал губу, и Кузнецов перевел пустой взгляд в сторону улицы.

– Думаю, нужно быть готовыми к самому худшему.

«Только не это, – мысленно возразил ему Кузнецов, – только не это…»

– Но почему?.. – Голос Владимира сорвался.

– Потому что мне только что звонил Богданов.

– Богданов?

– Да, человек Киры.

Кира, как же… Прекрасная, омерзительная Кира. Кузнецов вспомнил, что все началось с нее. Ее божественное лицо исказила ужасная гримаса, а изо рта вырвался крик: «Стреляйте!» Взгляд Киры был устремлен на темную фигуру возле стены, а потом началось это…

– И что сказал Богданов?

– Сказал, что знает, кто нас взломал.

«Что-то с электричеством», – вспомнил Владимир. Придет же такое в голову!

– То есть нас взломали?

– Очень похоже на то.

– Ты не должен был допустить этого, идиот.

– Конечно, но этот человек…

– Что за человек, черт его дери?

– Она – мастер экстра-класса.

– То есть это еще и женщина?

– Да. И деньги – не главное, что ее интересует.

– Что же в таком случае ее интересует?

– Месть.

Кузнецов зашатался, будто получил удар по голове. А когда вернулся в состояние равновесия, влепил Феликсу пощечину и пошел прочь, заглушать горе водкой и шампанским.

* * *

Лисбет выглядела спокойной, когда вернулась в свой номер в отеле, и даже как будто не особенно торопилась. Выпила бокал виски, взяла орехов из вазочки на ночном столике и собрала вещи, без нервов и спешки.

Только потом, отставив в сторону сумку, Саландер заметила, что тело ее неестественно напряжено, а взгляд ищет, что бы разбить – вазу, картину за стеклом, хрустальную люстру на потолке… Она ограничилась тем, что вошла в

ванную и встала напротив зеркала, словно внимательно изучала собственное лицо, но на самом деле смотрела в никуда.

Мыслями Лисбет оставалась на Тверском бульваре, трогала оружие под пиджаком и тут же отдергивала руку. Ей казалось, это будет легко, но вышло иначе, и Лисбет впервые за это лето не знала, что делать. Она запуталась, и даже вид дома Камиллы в «Гугле» не придал ей уверенности.

Это выглядело как окруженный садами большой каменный особняк, с многочисленными террасами, статуями и бассейнами. Лисбет попыталась представить, как все это будет гореть – совсем как отец в «Мерседесе» на Лундагатан, – но и это не помогло. Некогда стройный план рухнул. Саландер понимала, что колебаться в ее положении опасно, что нерешительность делает ее уязвимой, но в результате лишь бормотала про себя что-то невнятное да пила виски.

Расплатившись через Интернет, она покинула номер. Пистолет выбросила в канализационный колодец в нескольких кварталах от отеля. Потом взяла такси, забронировала рейс на Копенгаген на один из своих фальшивых паспортов и номер в «Шератоне» – отеле совсем неподалеку от аэропорта «Шереметьево».

Утром она обнаружила в мобильнике эсэмэску от Микаэля. Он беспокоился. Лисбет вспомнила его лицо в объективе камеры на Фискаргатан и решила заглянуть в его компьютер. Она и сама толком не знала зачем. Быть может, просто из потребности задать мыслям другое направление.

Саландер села за стол. Спустя некоторое время обнаружила пару зашифрованных документов, очевидно, важных для него. Файлы содержали множество отсылок и намеков, понятных только ей. Похоже, Блумквист хотел, чтобы Лисбет с ними ознакомилась. Покопавшись еще немного в его сервере, наткнулась на длинную статью о крахе биржи и фабрике троллей. Кое в чем Микаэль разобрался, но далеко не во всем. Перечитав репортаж дважды, Лисбет добавила к тексту пару абзацев и прикрепила файл с документами и электронными адресами. У нее не хватило сил подстраиваться под стиль Блумквиста. Кроме того, от усталости она не заметила, что неправильно записала по-шведски фамилию Кузнецова. Саландер вышла из системы и легла на кровать, не потрудившись снять ни костюм, ни туфли.

Ей снился отец в языках бушующего пламени. Он упрекал Лисбет в слабости и доказывал, что против Камиллы у нее нет ни малейшего шанса.

Глава 5

16 августа

В воскресенье Микаэль проснулся в шесть утра – от жары, как ему показалось. Было душно, как перед грозой. Простыня и наволочка промокли насквозь.

В голове звенело. Блумквист уже задался вопросом, не заболел ли он, но потом вспомнил, как пил вчера вечером. Выругался, закрылся одеялом с головой и попытался снова уснуть.

Спустя пару минут ему вздумалось проверить, нет ли в мобильнике сообщений от Саландер. Не обнаружив, как и следовало ожидать, ничего подобного, Блумквист снова выругался, на этот раз в адрес Лисбет, понял, что успокоиться будет не так просто, и сел в кровати.

Бросил взгляд на груду недочитанных книг на ночном столике, но потом решил, что надо дописать статью. В результате вышел на кухню и сделал себе капучино. Потом просмотрел свежие газеты, ответил на несколько мейлов, немного прибрался в квартире и пошел в ванную.

В половине десятого поступило сообщение от Софи Мелкер – молодой сотрудницы «Миллениума», не так давно переехавшей в их квартал с мужем и двумя сыновьями. Софи хотела обсудить заголовок репортажа, на что Блумквист совсем не был настроен. Вместо этого он предложил встретиться в кафе-баре на Санкт-Паульсгатан через полчаса и получил смайлик с выставленным вверх большим пальцем.

Микаэль терпеть не мог смайлики. Он полагал, что человеческого языка вполне достаточно для выражения любой мысли. При этом не хотел выглядеть ретроградом, поэтому собирался послать в ответ веселую рожицу, но в результате кликнул на красное сердце и задумался. Сердце – это могло быть

неправильно истолковано. Почти признание в любви, хотя… Какая, к черту, любовь? Сегодня все это значит не так много – объятия, поцелуйчики, привет-привет… Успокоившись, Блумквист принял душ, побрился и надел джинсы и голубую рубашку.

Он вышел в город, под безоблачное голубое небо. По каменной лестнице спустился на Хорнсгатан, свернул на площадь Мариаторгет и огляделся. Удивительно, но Блумквист не видел вокруг никаких следов вчерашнего праздника. На гравийных дорожках не валялось ни единого окурка. Мусорные корзины были пусты, а чуть в стороне, слева, девушка в оранжевом жилете с шестом в руке выбирала из травы бумажки и мусор. Микаэль направился мимо нее к статуе Тора.

Он проходил здесь каждый день, даже несколько раз в день, но никогда не задумывался о том, кого это изобразил скульптор. Микаэля это просто не заботило, как и все то, что постоянно находится у нас перед глазами. Спроси его об этом кто-нибудь, возможно, Блумквист назвал бы святого Георгия. Тем не менее это был Тор, убивающий Змея Мидгарда[11 - Змей Мидгарда, или Ёрмундганд – морской змей из скандинавской мифологии, убитый богом Тором. Мидгард – «срединный мир», то есть населенный людьми.].

Микаэль вообще никогда не обращал внимание на статуи и не читал табличек на постаментах. Вот и теперь глядел мимо Тора в сторону детской площадки, где отец со скучающим видом раскачивал качели, на которых сидел его сын. Народ загорал, развалившись кто на скамейках, кто на траве, – обычное воскресное утро. На какое-то мгновение картина показалась Микаэлю неполной. В ней будто недоставало какой-то детали. Блумквист встряхнулся, прогоняя наваждение, и ускорил шаг.

Только на Санкт-Паульсгатан он понял, в чем дело. На площади не хватало одной фигуры, еще неделю назад неподвижно, словно медитирующий буддистский монах, сидевшей на куске картона возле статуи. Этот мужчина в объемной голубой куртке и с обветренным морщинистым лицом давно стал для Блумквиста частью городского пейзажа, и именно поэтому до сих пор оставался незамеченным. Исчезнув из действительности, он всплыл из глубин подсознания, постепенно, деталь за деталью, воскрешавшего его облик. Микаэль уже припоминал черные пятна на щеках, потрескавшиеся губы и спокойные, полные достоинства черты, так не соответствующие его жалкому положению. Как можно было его забыть? Ответа на этот вопрос Блумквист не

знал.

Были времена, когда каждый нищий смотрелся как открытая рана на теле города. Теперь же и пятидесяти метров невозможно было пройти, не встретив какого-нибудь бедолагу, клянчащего пару крон. Они были везде – мужчины и женщины, – на тротуарах и у дверей магазинов, на помойках, площадях, в переходах метро… Обездоленный Стокгольм вырос, и люди сами не заметили, как смирились с этим. Такова горькая правда.

Нищих стало больше, когда стокгольмцы перестали иметь при себе большие наличные деньги и, подобно жителям других больших городов, научились отворачивать глаза. Да и сам Микаэль больше не чувствовал вины, повстречав попрошайку. Скорее, что-то вроде меланхолии, связанной даже не с конкретным человеком, а с внезапным осознанием быстротечности времени и переменчивости жизни, протекающей где-то мимо нас и совершенно без нашего участия.

Вход в кафе-бар загораживал неловко припарковавшийся грузовик, а внутри, как всегда, было слишком людно. Микаэль этого не любил, тем не менее вежливо поздоровался, заказал двойной эспрессо и тост с лисичками, сел к окну, выходящему на Санкт-Паульсгатан, и погрузился в свои мысли.

Вскоре он почувствовал на своем плече чью-то руку. Это была Софи – в зеленом платье, с распущенными волосами и улыбкой на губах. Она заказала чай с молоком и бутылку «Перрье». Затем поднесла к лицу Блумквиста мобильник.

– Это флирт или забота о подчиненных?

Увидев на дисплее смайлик в виде красного сердечка, Микаэль покачал головой.

– Просто мои неуклюжие пальцы.

– Ответ неверный.

– Тогда – забота о подчиненных, распоряжение Эрики.

– Опять неверно, но уже лучше.

– Как семья?

– Матери семейства каникулы всегда кажутся слишком длинными. Дети все время требуют развлечений.

– Как давно вы здесь живете?

– Уже пять месяцев, а ты?

– Сотни лет.

Она рассмеялась.

– Очень давно, я имел в виду. Когда живешь так долго в одном месте, многое перестаешь замечать. Просто передвигаешься по городу, как лунатик.

– Ты имеешь в виду себя?

– Конечно. У вас, новоселов, взгляд более цепкий.

– Возможно.

– Не помнишь нищего с Мариаторгет, в такой объемной голубой куртке? У него еще было черное пятно на лице…

Софи грустно улыбнулась.

– Как же, прекрасно помню.

– Почему ты так говоришь?

– Потому что его трудно забыть.

– У меня это получилось.

Взгляд Софи сделался удивленным.

– Что ты имеешь в виду?

– Я видел его десятки раз и ни разу не заметил. И только после смерти он стал для меня существовать.

– Так он умер?

– Да, вчера мне звонила врач судмедэкспертизы.

– С какой стати?

– Надеялась, что я помогу с опознанием. У него в кармане обнаружилась бумажка с моим номером.

– И ты помог?

Микаэль вздохнул.

– Нет.

– Но он, похоже, заинтересовал тебя, этот бедняга.

– Возможно.

Софи отпила чая. Некоторое время оба молчали.

– Он напал на Катрин Линдос неделю тому назад.

– Правда?

– Вел себя как безумный. Я стояла в сторонке, на Сведенборгсгатан.

– Что ему от нее было нужно?

Софи пожала плечами.

– Наверное, видел ее по телевизору.

Катрин Линдос время от времени мелькала на телеэкране. Она была журналистом консервативного толка и принимала участие в дебатах о законах и правопорядке, дисциплине и школьном образовании. Миловидная, подтянутая женщина, всегда элегантно одетая и с простой прической. Микаэль находил ее образ слишком строгим и лишенным фантазии. Время от времени она критиковала его в «Свенска дагбладет».

– Так как он себя вел? – спросил Блумквист.

– Вцепился ей в рукав и кричал.

– Что кричал?

– Не помню. Но при этом он размахивал какой-то веткой или палкой. Катрин после этого долго не могла успокоиться. Я помогала ей вывести пятно с пиджака.

– Должно быть, оно сильно ее расстроило.

Микаэль произнес это без тени иронии, но Софи все равно не поверила.

– Она никогда не нравилась тебе, ведь так?

– Ну, почему… С ней всё в порядке. Разве что слишком правый уклон, на мой вкус, и вообще…

– Фрёкен Совершенство, ты хотел сказать?

– Этого я не говорил.

– Но подумал. Знал бы ты, сколько грязи выливают на нее в Сети… Этакая фифа из высшего общества, которая только и знает, что прогуливаться по Лунсбергу

да задирать нос перед простыми людьми… Кому придет в голову поинтересоваться, каково ей приходится на самом деле?

– О… только не мне.

Тут Софи разозлилась не на шутку – Микаэль так и не понял, из-за чего.

– Ну, так я тебе расскажу…

– Сделай одолжение.

– Катрин выросла в Гётеборге, в семье наркоманов. Героин, ЛСД – ее родители не слезали с иглы… представляешь, что творилось у них дома? И эта… классическая манера – часть ее борьбы, понимаешь? Она – борец. Бунтарь, в своем роде.

– Интересно.

– Я знаю, ты считаешь Катрин слишком консервативной, но… весь этот нью-эйдж, все эти хиппи давно ей поперек горла. Она положила все силы на борьбу с дерьмом, в котором выросла, и, как личность, гораздо интересней, чем кажется многим.

– Вы подруги?

– Мы подруги.

– Спасибо, Софи. Я попробую взглянуть на Катрин другими глазами.

– Что-то не верится.

Софи рассмеялась, словно пытаясь обратить бестактность в шутку, а потом спросила Блумквиста, как продвигается его репортаж. Он ответил, что поздравлять пока не с чем. Похоже, дело застопорилось в русском направлении.

– И что же твои надежные источники?

– Источники ничего не понимают, я – тем более.

– Тогда, может, имеет смысл съездить в Санкт-Петербург? Навести на месте справки об этой фабрике троллей, как она там теперь называется…

– «Нью-Эйдженси-Хаус», – подсказал Блумквист.

– «Нью-Эйдженси-Хаус»… что-то вроде штаб-квартиры?

– За закрытыми дверями, насколько я понимаю.

– Микаэль Блумквист – известный пессимист.

Он и сам все понимал, но уж больно не хотелось ехать в Петербург. Город и без него кишел журналистами, и никто из них понятия не имел, кто стоит за фабрикой троллей и насколько в этом деле замешаны правительство и секретные службы. Блумквист устал. От новостей в целом и событий в мире политики, развивающихся в самом нежелательном направлении. Поэтому допил кофе и спросил Софи, что там с ее репортажем.

Она хотела написать об антисемитском подтексте дезинформационных кампаний. В самой постановке проблемы не было ничего нового. Тролли всех мастей только тем и занимались, что намекали на еврейский заговор и его след, в том числе и в обрушении биржи. Тема исследовалась и анализировалась бесчисленное количество раз, и все-таки Софи сумела выбрать неожиданный ракурс.

Она задалась целью показать, как это все повлияло на жизнь простых людей. Учителей, врачей, школьников, нередко забывавших в суете повседневности о своих еврейских корнях. Микаэль одобрил – «действуй», дал несколько советов, расспросил кое о чем. Они поговорили о популистах, экстремистах и ненависти, пронизывающей общество. Блумквист рассказал об идиотах, оставляющих сообщения на его автоответчике. Потом обнял Софи, попросил у нее прощения, сам толком не зная за что, и отправился домой переодеваться для пробежки.

Глава 6

16 августа

Утром Кире сообщили, что с ней хочет поговорить шеф команды хакеров Юрий Богданов. Все произошло в особняке на Рублевке, к западу от Москвы. Кира лежала в постели и велела подождать. Потом швырнула массажной щеткой в домработницу Катю и с головой накрылась одеялом.

Это была ночь в аду. Дьявольская сирена эхом отдавалась в ушах, перед глазами стоял темный силуэт сестры. И толчок в плечо, поваливший Киру на тротуар, словно застрял в теле.

Когда же это наконец закончится? Кира сама сделала свою жизнь и многого достигла. Но прошлое возвращалось, и каждый раз в новом образе. Кире выпало безрадостное детство, тем не менее в нем были моменты, которые она любила вспоминать. Теперь у нее хотели отнять и это.

С ранних лет она мечтала вырваться из каморки на Лундагатан. Нищета и убожество не для нее, она заслуживала лучшего и рано поняла это. Как-то раз, прогуливаясь по универмагу NK в Юргордене, увидела женщину в мехах и брюках с узорами – смеющуюся, счастливую и невообразимо красивую. Кира приблизилась, встала рядом с ней. Это было как ветерок из другого мира. Потом появилась подруга женщины, такая же элегантная, поцеловала ее в щеку и с удивлением посмотрела на Киру.

– Это твоя дочь?

Дама печально улыбнулась:

– I wish it were[12 - Хотелось бы, чтобы это было так (англ.).].

Этих слов Камилла-Кира не поняла, но почему-то почувствовала себя польщенной. Удаляясь, она услышала еще одну брошенную ей в спину фразу:

– Какая милая девочка. Если б только мать могла одеть ее лучше…

Кира перевела взгляд на Агнету – уже тогда она называла мать только по имени. Та стояла в стороне и разглядывала с Лисбет рождественские открытки. Разница бросилась в глаза, и это было подобно предательскому удару. Какой безобразной и жалкой показалась ей в этот момент Агнета… Кира вспыхнула от обиды. В этот момент она поняла, что судьба сыграла с ней злую шутку, забросив не в ту семью.

И это был не единственный случай, когда Киру словно приподнимали над землей, а потом с высоты бросали в грязь. Ее называли маленькой принцессой, но восхищенные возгласы были полны сочувствия.

И тогда Кира стала воровать. Так, по мелочи – горстка монет, пара купюр из кошелька, старая бабушкина брошь, русская ваза на полке… ей приписывали гораздо больше. Вообще, с тех самых пор у девочки возникло чувство, будто мать и сестра сговорились против нее.

Так она становилась чужой в собственном доме, будто содержалась там под надзором, как преступница. И даже Зала обращался с ней как с провинившейся дворняжкой.

Хотелось бежать, но куда? Один за другим просачивались в ее жизнь робкие лучики света. Вероятно, ложного, и все же на него можно было идти. На глаза все чаще попадались разные интересные вещи – то золотые наручные часы, то свернутые рулоном купюры в кармане брюк. Постепенно Кира стала понимать, что Зала – это не только насилие и страх. Что он излучает силу, которую она почувствовала лишь теперь.

Наконец настал день, когда и он разглядел дочь. Теперь Зала все чаще останавливал на девочке взгляд, иногда даже улыбался, и это было по-своему приятно. Кира сразу заметила, что улыбка у отца особенная. В такие моменты девочка оказывалась словно в лучах софитов. И тогда она перестала бояться Залу. Ей стало даже казаться, будто именно он должен забрать ее отсюда в лучший, богатый мир.

Однажды, когда Агнета и Лисбет куда-то ушли, отец сидел на полу на кухне и пил водку. Кире было лет одиннадцать-двенадцать. Она подошла к нему, он погладил ее по волосам. Потом налил ей в стакан «отвертки» – смесь водки и сока – и стал рассказывать о детском доме в Свердловске, где его били каждый

день. И о том, как научился потом давать сдачи, как стал богатым и могущественным, заслужив тем самым уважение всего мира.

Это было как сказка. Кира слушала, зачарованная. Зала приложил палец к губам – «тсс… тайна – никому…» И тогда она не выдержала и выложила ему все про Лисбет и Агнету.

– Они тебе завидуют, – объяснил отец. – Люди всегда завидуют таким, как мы.

А потом пообещал, что с этого дня все изменится, и сестра с матерью будут ее уважать. И все действительно изменилось.

Зала стал ее окном в большой мир. Кира полюбила его, и не только как спасителя. Теперь ни широкоплечие мужчины в серых плащах, ни даже заявившиеся однажды в квартиру полицейские – ничто не могло ее больше напугать.

Кира сделала его нежным и заботливым – и не сразу поняла, какую цену заплатила. Быть может, она обманывала себя, но, так или иначе, вспоминала те дни как лучшее, что в то время выпало на ее долю.

Постепенно Кира привыкла и стала чувствовать себя счастливой. Теперь она ждала его и радовалась каждому его визиту, деньгам и подаркам. Она стояла на пороге новой, счастливой жизни, когда вдруг появилась Лисбет и отняла у нее все. С тех пор Кира возненавидела сестру всеми силами своей души, и эта ненависть стала главным в ее жизни. Она выжидала момент для ответного удара и не собиралась медлить только потому, что сестра оказалась почему-то на шаг впереди.

Сквозь жалюзи в комнату просачивались лучи солнца – такого ослепительного после ночного дождя. Из сада доносился стрекот газонокосилки и отдаленные голоса. Кира прикрыла глаза. Вспомнила сон, в котором снова была в квартире на Лундагатан и слышала зловещий звук приближающихся шагов за дверью. Сжала в кулак правую руку и лягнула пышное одеяло.

Она ударит первой.

* * *

Юрий Богданов ждал вот уже почти час. Он сидел с ноутбуком на коленях и только теперь поднял голову в сторону террасы и раскинувшегося за ней сада. Главный хакер явился с тревожными новостями. Для себя он не ожидал ничего, кроме напряженной работы, но ее-то как раз не боялся. Потому что был хорошо мотивирован и сумел мобилизовать всю свою сеть.

Зазвонил мобильник – снова он, глупый, истеричный Кузнецов. Юрий отклонил вызов.

Часы показывали десять минут двенадцатого, садовники только что ушли на обед. Время шло. Богданов посмотрел на свои ботинки.

Он был богат. Носил сшитые на заказ костюмы и дорогие часы, но в душе оставался все тем же маленьким бродяжкой с улицы. Беспризорное детство наложило неизгладимый отпечаток и до сих пор проступало в каждом его взгляде и движении.

Богданов был высок и худощав. Его угловатое лицо украшали шрамы, а руки – любительские татуировки. И хотя Кира по-прежнему не желала видеть его в салонах, он гордился тем, что остается для нее незаменимым человеком. Вот и теперь приосанился, заслышав стук каблуков по мраморному полу. Кира появилась перед ним красивая, как всегда, в голубом костюме и красной блузе, застегнутой под самым подбородком. Опустилась в кресло.

– Что у тебя?

– У нас… – поправил Богданов. – Проблемы.

– Выкладывай.

– Женщина…

– Лисбет Саландер.

– Точно не установлено, но, судя по уровню хакерской атаки…

– Она.

– Кузнецов сошел с ума со своими IT-системами. Он перепроверил все несколько раз – такое просто невозможно.

– Тем не менее.

– Мы до сих пор не понимаем, как у нее это получилось. Хотя внешне все выглядит не так сложно. Она подсоединилась к «Спотифай»[13 - «Спотифай» (англ. Spotify) – интернет-сервис потокового радио, позволяющий легально и бесплатно прослушивать более 50 миллионов музыкальных композиций, аудиокниг и подкастов без скачивания.] и динамикам и поставила известную песню.

– Видел бы ты, что там творилось…

– Там был эквалайзер, к сожалению, цифровой и параметрический, и подсоединен к вай-фай-системе…

– Ты можешь говорить понятней?

– Эквалайзер настраивает звук, регулирует высокие и низкие частоты. Саландер подключилась к нему. Самое неприятное, что этот диапазон воздействует на сердце. Поэтому многие хватались за грудь и не сразу поняли, что все дело в звуке.

– Да уж… Конец света.

– Она хотела послать нам сообщение. Песня называется «Killing world with lies», первыми ее исполнили «Пусси страйк».

– Эти рыжие шлюхи?

– Именно.

Богданов прокашлялся. Он был поклонником «Пусси страйк».

– Продолжай.

– Поводом для ее создания послужили первые сообщения об убийствах гомосексуалистов в Чечне, но адресована она не убийцам и даже не госаппарату… речь идет о главном режиссере кампании ненависти, которая за некоторое время до того развернулась в социальных СМИ.

– То есть о Кузнецове?

– Точно. Вот только…

– Об этом никто не знал, – закончила Кира его фразу. – По крайней мере, не должен был… Как, в таком случае, узнала Саландер?

– Посмотрим, как будет развиваться ситуация, а пока надо успокоить всех причастных. Кузнецов в шоке.

– Но почему? Он впервые столкнулся с шантажистами?

– Нет, но в Чечне действительно получился перебор… Говорят, людей хоронили заживо.

– Его проблемы.

– Разумеется, но вот что меня беспокоит…

– Выкладывай.

– Саландер преследует не только Кузнецова, и даже не его в первую очередь. Я не исключаю даже, что ей известно и о нашем участии в информационных кампаниях… Она ведь хочет тебе отомстить, так?

– Ее давно следовало убить.

– Есть еще кое-что…

– Что?

И тут Богданов понял, что должен был начать разговор с того, что собирался сообщить только сейчас.

– Вчера, после того как тебя толкнули, она тоже упала. Потеряла равновесие и рухнула лицом вперед – так, по крайней мере, это выглядело со стороны… Потом ползком пробралась к твоему лимузину и приложила руку поверх заднего колеса, вот так… – Богданов сделал движение, выставив вперед ладонь. – Сначала я подумал, что она ищет опору, чтобы подняться, но потом, когда как следует пересмотрел материалы камер наблюдения… Она действительно кое-что прицепила. Вот это.

Богданов вытащил из кармана маленькую прямоугольную коробочку.

– Что это?

– Передатчик GPS.

– То есть теперь она знает, где я живу? – Камилла в задумчивости прикусила губу и ощутила во рту привкус железа или крови.

– Я боюсь, – сказал Богданов.

– Идиоты, – пробормотала она.

– Мы приняли все меры предосторожности, – продолжал Богданов, возвысив голос. – Усилили наблюдение, прежде всего за IT-системами, конечно…

– То есть заняли оборонительную позицию, я правильно понимаю?

– Нет, нет… я всего лишь перечислил, что сделано.

– Так найдите ее.

Он вздохнул.

– Это не так просто, к сожалению. Мы проверили камеры наблюдения в окрестных кварталах – ничего. Ее не удается отследить ни через мобильник, ни через компьютеры.

– Проверьте отели. Пошлите запросы, переверните все вверх дном.

– Мы работаем. Уверен, что рано или поздно результаты будут.

– Ты недооцениваешь эту ведьму.

– Неправда. Тем не менее она упустила свой шанс, и все повернулось в нашу пользу.

– Как ты можешь говорить такое, когда она знает, где я живу?

Богданов замялся, очевидно, подбирая слова.

– Но… она ведь хотела тебя убить, разве ты сама об этом не говорила?

– Я была в этом уверена. А теперь мне кажется, что она замышляет кое-что пострашней.

– Что может быть страшнее? Хотя… думаю, ты ошибаешься.

– То есть? – не поняла Камилла.

– Похоже, она и в самом деле хотела пристрелить тебя. Другого смысла в этой атаке я просто не вижу. Но в результате лишь нагнала страху на Кузнецова, и только.

– Ты хочешь сказать…

Камилла посмотрела через окно и спросила себя, куда подевались садовые рабочие.

– Я хочу сказать, что она не выдержала, сорвалась. Что она не такая сильная, как кажется.

– Хоть одна хорошая новость.

– Я просто уверен в этом. Другого объяснения здесь быть не может.

– Но у нее есть друзья, защитники…

– Только ее любовницы.

– И Калле Блумквист. Прежде всего, у нее есть Блумквист.

Глава 7

16 августа

В половине восьмого вечера Микаэль сидел в ресторане «Гондола», что неподалеку от Шлюза, в компании Драгана Армански, владельца охранного бюро «Милтон секьюрити». Ноги болели после пробежки в Остравикене. Блумквист уже не раз успел пожалеть, что согласился на эту встречу. Так ему наскучили эти вечные разговоры об упущенных возможностях, Востоке, Западе, что даже анекдот про лошадь, угодившую на вечеринку в Юргордене, не сумел спасти положения.

– И тогда эти идиоты спустили в бассейн рояль, представляешь?

Микаэль не мог взять в толк, какое отношение это имеет к лошади, но слушал не перебивая. За одним из соседних столиков устроилась группа коллег из «Дагенс нюхетер», среди них Миа Седерлунд, с которой у Микаэля был опыт неудачного сотрудничества. Тут же неподалеку мелькал драматический актер Мортен Нюстрём, не с лучшей стороны упомянутый в репортажах «Миллениума» о злоупотреблениях властью в театральном мире. Ни у кого из них не было особых причин любить Микаэля, который молча пил вино, глядел в стол и думал о Лисбет.

Лисбет – вот единственное, что связывало его с Драганом. Несколько лет назад она устроилась к нему в агентство, что, собственно, было частью проекта по ее социализации. И Драган оставался единственным, с кем она сработалась. Сотрудничество получилось на редкость удачным. Похоже, одно время Армански даже был влюблен в Лисбет, хотя даже ему так и не удалось раскусить ее, что неудивительно.

– Рояль… представляешь? – продолжал Армански.

– Звучит безумно, – согласился Микаэль. – То есть о переезде Лисбет ты ничего не знаешь?

Драгану было не так легко сменить тему. Он даже немного обиделся, что история лошади так и не увлекла Микаэля. Все-таки рояль, в бассейне… Такое могло заставить любую рок-звезду кусать локти от зависти. Армански посерьезнел.

– Я действительно не должен был об этом говорить.

Микаэль, решив, что это хорошее начало, перегнулся через стол.

* * *

Лисбет проснулась в полдень. Приняла душ, села за ноутбук и обнаружила шифрованное сообщение от Чумы – приятеля по «Республике хакеров». Всего один короткий вопрос, но здесь было отчего смутиться.

«Как жизнь?»

«Все полетело к чертям», – мысленно ответила ему Лисбет, но написала другое:

«Я больше не в Москве».

«Почему?»

«Я не смогла сделать то, что хотела».

«А что ты хотела?»

Лисбет сидела в номере копенгагенского отеля. Самым правильным сейчас было бы выйти на улицу и обо всем забыть.

«Ничего».

«Как это?» – не понял он.

«Пока, Чума», – подумала она.

«Так, ничего».

«И ты не смогла это сделать? Почему?»

«Это тебя не касается», – прошептала она.

«Потому что кое-что вспомнила».

«Что ты вспомнила?»

Шаги, шепот отца, свои колебания, неспособность понять… Сестру, которая поднималась с кровати и исчезала в соседней комнате вместе с Залой.

«Дерьмо».

«Что за дерьмо?»

Лисбет захотелось швырнуть ноутбук в стенку.

«Какие у нас контакты в Москве?» – спросила она.

«Я боюсь за тебя, Оса, – ответил Чума. – Забудь про Москву, возвращайся».

«Заткнись», – подумала Лисбет.

«Что за контакты у нас в Москве?»

«Хорошие контакты».

«Может кто-нибудь установить IMSI-перехватчик[14 - IMSI-перехватчик – специальное устройство, маскирующее себя под базовую станцию телефонной сети. Используется спецслужбами для перехвата и мониторинга сообщений без ведома операторов мобильной связи.]в нужном месте?»

Чума молчал. Ответ появился спустя несколько минут:

«Катя Флип, например».

«Кто она?»

«Так, одна сумасшедшая. Одно время была с Шалтаем-Болтаем».

Стоящий человек – вот что это значило.

«То есть на нее можно положиться?»

«Смотря сколько заплатишь».

«Скинь контактную информацию».

* * *

Лисбет выключила ноутбук и поднялась, чтобы переодеться. Но в следующий момент решила оставить черный костюм, несмотря на пятно на правом рукаве и полную потерю формы после вчерашнего дождя и других приключений. В конце концов, она в нем так хорошо выспалась… Саландер решила не краситься и вообще оставить все как есть. Провела рукой по волосам, вышла из номера и спустилась в лифте на первый этаж выпить пива в баре.

За окнами расстилалась Кунгенс-Нюторв, а на небе, похоже, собирались темные тучи. Но Лисбет не видела ничего этого. Мыслями она все еще была на Тверском бульваре и тянулась рукой к «Беретте» под пиджаком.

Время от времени эти воспоминания прерывались сценами из детства, пока голос над ухом не вернул ее к действительности тем же, что у Чумы, вопросом:

– Как жизнь?

Лисбет почувствовала раздражение и даже не подняла головы. Новое сообщение от Микаэля – вот и все, что она видела в этот момент.

* * *

Драган Армански перегнулся через стол и взял доверительный тон:

– Она звонила мне весной, просила переговорить с кем-нибудь из жилищного кооператива насчет установки камер наблюдения возле подъезда на Фискаргатан. Мне понравилась эта идея.

– То есть ты позаботился о том, чтобы это было сделано?

– Там не все так просто, Микаэль. Требуется разрешение муниципалитета и куча всего другого. Но на этот раз все получилось быстрее. Я подключил Бублански, и он составил рапорт.

– Честь ему и хвала.

– Нам обоим пришлось постараться. Зато уже в начале июля двое парней смогли установить пару дистанционно управляемых «Нетгиэр». Тщательно зашифрованных; объяснять почему, думаю, излишне. Никто, кроме нас, не должен был видеть эти материалы, и я строго-настрого приказал своей команде из центра наблюдения не спускать глаз с мониторов. Я очень беспокоился за Лисбет. Боялся, что они до нее доберутся.

– Все мы этого боялись.

– Тем не менее я не рассчитывал, что это случится так быстро, – продолжал Армански. – Уже спустя шесть дней в половине второго ночи дежурный оператор Стене Гранлунд услышал в динамике звук мотоциклетного мотора. И только он собрался развернуть камеру, как его кто-то опередил.

– Интересно.

– Еще бы. Но у Стене не было времени гадать, что да как… В общем, двое в кожаных куртках, люди из «Свавельшё МК».

– Черт…

– Именно! Адрес Лисбет уже не был тайной. А «Свавельшё» редко когда приходит с булочками и кофе.

– Только не в этот раз.

– И все-таки парни обернулись, когда заметили камеры. Мы тут же связались с полицией, и она их опознала. Одного звали Ковик… да, Петер Ковик, насколько я помню. Но проблема даже не в этом. Я тут же позвонил Лисбет, предложил встретиться, и она пошла на это, хотя и неохотно. Заявилась ко мне в офис и выглядела… как бы это сказать… В общем, не девушка, а мечта свекрови.

Блумквист рассмеялся.

– Ты явно перебарщиваешь.

– Переборщила она. Короткая стрижка, никаких пирсингов… И я… черт, мне так не хватало ее прежней… я даже не нашел в себе силы накричать на нее. Потому что понимал, что это она хакнула наши камеры. Только попросил ее быть осторожней. «Они охотятся за тобой», – сказал я. «Они всегда охотились за мной», – ответила Лисбет. И тогда я не выдержал, зашипел, что она должна искать помощи, что иначе они убьют ее… И тут произошло нечто, что по-настоящему меня напугало.

– Что же?

Лисбет ответила, глядя в пол: «Не раньше, чем я сделаю первый шаг».

– Что она имела в виду?

– Я и сам ломал голову над этим вопросом, пока не вспомнил историю с ее отцом.

– Он-то здесь при чем?

– Потому что тогда она выбрала нападение в качестве защиты, и на этот раз решила сделать то же самое – ударить первой. Я заглянул ей в глаза – и то, как она выглядит, потеряло для меня всякое значение… Она была напугана, Микаэль. Глаза были черные, без блеска.

– Думаю, ты преувеличиваешь. Лисбет не идет на риск без необходимости. Чего-чего, а расчетливости ей не занимать.

– Да, она расчетлива… до безумия.

Микаэль вспомнил, что Лисбет говорила ему в ресторане «Кварнен», – что отныне она не крыса, а кошка.

– И все-таки, что произошло? – спросил он Армански.

– Ничего. Она исчезла, и с тех пор я про нее не слышал. Только ждал, что с минуты на минуту клуб «Свавельшё» взлетит на воздух или ее сестра сгорит в машине в Москве.

– Камилла под защитой русской мафии. Лисбет не сумасшедшая, чтобы воевать с ними.

– Ты сам-то в это веришь?

– Неважно. Я знаю только, что Лисбет никогда…

Блумквист запнулся.

– Что? – ехидно переспросил Армански.

– Ничего.

Журналист прикусил губу. Он чувствовал себя глупо.

– Это не закончится так просто, Микаэль. Ни одна из них не успокоится, пока другая не умрет.

– Ты знаешь, что говоришь, – заметил Блумквист.

– Ты думаешь?

– Уверен.

С этими словами он достал мобильник и послал Лисбет эсэмэску. К удивлению Микаэля, ответ пришел тут же:

«Успокойся, Блумквист. У меня отпуск. Я отдыхаю и не собираюсь делать глупостей».

* * *

Говоря об отпуске, Лисбет, конечно, преувеличивала. С другой стороны, ее представление об удовольствии всегда было связано с болью. С тем моментом, когда боль отпускает, по крайней мере. И сейчас, попивая пиво в баре отеля «Англетер», она чувствовала невероятное облегчение. Как будто тяжкая ноша свалилась с плеч, и Лисбет вдруг поняла, в каком напряжении прожила это лето и до какого безумия чуть не довела ее гонка за сестрой.

Не что чтобы Лисбет совсем расслабилась или ее перестали тревожить призраки детства. Просто она вдруг посмотрела на себя со стороны, и увиденное не только нагнало на нее тоску, но и каким-то образом освободило.

– Как жизнь?

Снова этот вопрос, на этот раз по-английски. Обернувшись, Лисбет увидела незнакомую молодую женщину.

– Почему вы спрашиваете?

На вид ей было около тридцати; внимательные, чуть раскосые глаза, черные вьющиеся волосы, джинсы, темно-синяя блуза, туфли на высоком каблуке. Незнакомка излучала уверенность в себе, в то же время как будто просила о чем-то. На ее правой руке была повязка.

– Я не знаю, – ответила она на вопрос Лисбет. – Просто люди иногда спрашивают друг друга об этом.

– У меня всё в порядке.

– Но вы выглядите, как будто у вас что-то случилось.

Сколько раз Лисбет приходилось это слышать! Что она выглядит слишком кисло, озлобленно или так, будто что-то стряслось… Обычно такие замечания приводили Саландер в бешенство, но на этот раз она не вспылила, сама не зная почему.

– Случилось, – почти шепотом подтвердила она.

– Но сейчас как будто стало легче?

– Стало по-другому, во всяком случае.

– Меня зовут Паулина, и со мной тоже кое-что случилось.

* * *

Паулина Мюллер была уверена, что женщина по крайней мере захочет познакомиться с ней, но та даже не кивнула. С другой стороны, она не оттолкнула ее. Походка – вот что привлекло в ней внимание Паулины. Женщина передвигалась так, словно ей было наплевать на весь мир, и в этом было что-то

настолько притягательное, что Паулине подумалось, что и она, наверное, могла бы ходить так, если б отступился Томас.

Жизнь разрушалась так медленно и постепенно, что Паулина не заметила, как подошла к самому краю. Лишь переехав в Копенгаген, она осознала, насколько далеко все зашло. И вот теперь эта незнакомка углубила ощущение краха. Она излучала абсолютную независимость, и это, казалось, было неотделимо от нее. Паулина острее чувствовала собственную несвободу лишь оттого, что стояла рядом с ней.

– В городе живете?

– Нет, – ответила женщина.

– А мы только что переехали из Мюнхена. Мой муж – менеджер фармацевтической компании «Англер» по Скандинавии, – с неожиданной для себя гордостью пояснила Паулина.

– Вот как.

– Но вчера я ушла от него.

– Вот как.

– Я была журналисткой, работала в естественно-научном журнале «Гео»… вы знаете, наверное. Но я уволилась, после того как мы сюда переехали.

– Вот как.

– Я писала в основном на медицинские темы.

– Здорово, – равнодушно заметила женщина.

– И мне нравилось, – продолжала Паулина. – Но потом муж получил работу, и все изменилось. Теперь я фрилансер.

Паулина говорила и говорила, выслушивая в ответ односложные реплики, пока наконец женщина не спросила, что она будет пить. И, когда Паулина ответила, что ей все равно, заказала виски, «Талламор Дью», и даже улыбнулась – по крайней мере, сделала попытку.

Черный костюм незнакомки нуждался в чистке, а белой рубашки, похоже, давно не касался утюг. На ее лице не было и следов косметики. Судя по темным кругам вокруг глаз, женщина не высыпалась вот уже много ночей. Тем не менее взгляд ее излучал уверенность и силу. Паулине стало не по себе, и она принялась шутить и смеяться.

Получилось плохо. Правда, женщина придвинулась ближе. Паулина заметила, что понравилась ей, поэтому опасливо покосилась на окно, словно ожидала, что из-за угла вот-вот появится Томас. И тогда женщина предложила допить у нее в номере.

Паулина категорически отказалась, ее муж точно бы этого не одобрил. Но потом они поцеловались, и все-таки поднялись в номер, и любили друг друга. Паулина не помнила никого, в ком было бы столько ненависти и нежности одновременно. Когда Паулина рассказала ей о Томасе, женщина посмотрела на нее так, словно вот-вот собиралась не то расправиться с Томасом, не то уничтожить весь мир.

Глава 8

20 августа

На следующей неделе Микаэль так и не появился в редакции и даже не заглянул в свою статью о фабрике троллей. Он только и занимался тем, что убирался в квартире да читал романы Элизабет Страут, а если и обедал с сестрой Анникой Джанини, то только потому, что та была адвокатом Лисбет Саландер. И Анника сообщила ему, что Лисбет действительно объявлялась и интересовалась юристами по семейным делам в Германии.

В остальном жизнь текла своим чередом. Микаэль мог часами разговаривать по телефону со старой подругой Эрикой Бергер. Обычно они обсуждали детали ее

развода, но при этом оба чувствовали себя подростками, доверяющими друг другу любовные тайны.

Тем не менее развод стоил Эрике немалых нервов. В четверг она звонила снова, уже по работе, и задала совсем другой тон. Оба они курили. Эрика злилась и обвиняла Микаэля в тщеславии.

– Ты ошибаешься, Рики, – возразил он. – Я без сил, мне нужен отпуск.

– Но ты же говорил, что репортаж почти готов. Пришли его мне, и покончим с этим.

– Забудь. Там нет ничего нового.

– Так я тебе и поверила.

– Тем не менее. Почитай обзор «Вашингтон пост», они камня на камне не оставили от моей работы.

– Тебе совсем не обязательно каждый раз делать открытия, Микаэль. Твоя точка зрения ценна сама по себе. А погоня за новостями как таковыми – порочная практика.

– Но это просто плохо написано. Слишком вяло.

– Ну, хорошо. Пусть пока полежит. Я и без твоей статьи соберу номер.

– Не сомневаюсь.

– А ты чем думаешь заняться?

– Уеду в Сандхамн.

Это был не лучший их разговор, тем не менее с плеч Блумквиста будто свалилась тяжкая ноша. Он вытащил дорожную сумку из гардероба в спальне и начал собирать вещи.

Дело продвигалось медленно, в мыслях Микаэль снова и снова возвращался к Лисбет. Похоже, он не переставал о ней думать ни на минуту. Потому что волновался, несмотря на все ее заверения, и, возможно, злился. Блумквисту не нравилась эта ее таинственность. Ему хотелось знать больше и о Камилле, и о камерах слежения, и о «Свавальшё».

Он прокручивал в голове сцену за сценой, возвращался к их разговору в ресторане «Кварнен» в поисках ответа на один-единственный вопрос: что можно сделать? Потом прервал сборы, вышел на кухню и выпил йогурт прямо из упаковки. Зазвонил мобильник, на дисплее высветился неизвестный номер. Блумквист считал себя в отпуске, тем не менее решил ответить. Его даже развеселила эта идея – «Привет! Как здорово, что вы наконец обо мне вспомнили!»

* * *

Когда судмедэксперт Фредрика Нюман вернулась в свой дом в Тронгсунде, под Стокгольмом, обе ее дочери-подростки сидели на диване и пялились в телефоны. Фредрике эта картина была так же привычна, как вид озера под окном. Все свободное время девочки посвящали «Ютьюбу», или что еще там смотрят в мобильниках.

Наверное, Фредрике следовало накричать на них. Спросить, когда они в последний раз брались за книгу, играли на фортепиано или посещали баскетбольную секцию. Но сил на это не осталось. У доктора Нюман был безнадежный день. Буквально только что она разговаривала с полицейским, из числа тех, кто одним своим видом внушает неколебимое доверие. «Я разобрался с этим делом», – заверил он. И это означало, что он полистал «Википедию» и стал экспертом по буддизму. Наш парень отбыл в Нирвану. Фредрика не сочла нужным благодарить его. Теперь же, присев на край серого дивана, она все еще надеялась, что кто-нибудь из девочек ее заметит и скажет «привет». Но дочери были заняты своим. Жозефина, правда, пробурчала в ответ на вопрос матери, что они смотрят:

– Так, одну вещь.

Одну вещь! Удивительно все-таки, что Фредрика не закричала. Она вышла на кухню, вытерла стол и мойку, села и открыла Фейсбук в мобильнике; возможно,

тем самым хотела показать, что умеет управляться с этим не хуже их. Кликала на разные страницы, пока, сама не заметив как, не зависла на каком-то туристическом сайте с видами Греции.

Помимо прочего там была фотография пожилого мужчины за столиком уютного кафе, которая, вероятно, и напомнила Фредрике о Микаэле Блумквисте. Доктору Нюман не хотелось выглядеть навязчивой, но Блумквист был единственный, кто проявил хоть какую-то заинтересованность судьбой ее последнего клиента. Поэтому Фредрика глубоко вздохнула и набрала его номер.

– Добрый вечер, – поздоровался Блумквист. – Хорошо, что вы обо мне вспомнили.

Его голос звучал так радостно, что Фредрике невольно подумалось, что этот разговор – лучшее, что случилось с ней за день.

– Я просто решила…

– Знаю, – перебил ее Блумквист. – Я вспомнил вашего нищего… как мне кажется, по крайней мере.

– Правда?

– Все совпадает – голубая куртка, пятна на щеках, отсутствие пальцев. Это мог быть только он.

– Где вы его видели?

– На Мариаторгет… Не пойму, как я вообще мог его забыть. Хотя… он сидел так неподвижно… на куске картона, возле статуи… Должно быть, я видел его не один десяток раз.

Его энтузиазм воодушевил Фредрику.

– И… как он вам показался?

– Ну… как бы это объяснить… Я ведь совсем не обращал на него внимания. Тем не менее мне бросилась в глаза его… гордость, что ли… Именно таким вы и

увидели его после смерти. Спину держал прямо, голову высоко… как вождь индейского племени в кино… Я еще удивлялся, как он может так сидеть часами.

– Может, он был накачан?.. ну, таблетки, спирт…

– Не могу сказать, – ответил Блумквист. – Конечно, такое вполне вероятно. Но в этом случае он вряд ли смог бы сохранять такой исполненный достоинства вид, или как?

– Сегодня утром я получила результаты скрининг-теста. Два с половиной миллиграмма зопиклона на грамм крови из области бедра… Это очень высокая доза.

– Зопиклона?

– Это вещество используется в некоторых снотворных препаратах – например, имоване. По моим оценкам, он принял не меньше двадцати таблеток, смешанных с алкоголем и декстропропоксифеном – опиатом, который применяется как обезболивающее.

– И что говорит полиция?

– Передозировка. Самоубийство.

– Причина?

Фредрика хмыкнула:

– Их нежелание работать. Просто эта версия вполне устраивает следователя.

– Как его зовут?

– Кого? Следователя?

– Да.

– Ханс Фасте.

– О нет…

– Вы знакомы?

Микаэль Блумквист знал Ханса Фасте, и даже очень хорошо. Это он без всяких оснований причислил Лисбет к сатанинской лесбийской группировке и подозревал в убийстве из одного только женоненавистничества и ксенофобии. Бублански считал Фасте наказанием Божьим за грехи полицейских.

– Это страшный человек, – ответил Микаэль на вопрос доктора Нюман.

– Он назвал нашего нищего буддистским наркоманом.

– Как это похоже на Фасте…

– Когда пришли результаты из лаборатории, он сказал, что таблетки доставили этому наркоману хоть какую-то радость в жизни.

– И вы с этим, похоже, не согласны.

– Передозировка – первое, что здесь напрашивается, но смущает, что это был именно зопиклон. С ним легко переборщить, с бензопрепаратами это вообще дело обычное. Но, когда я вспоминаю, что он был буддист, кое-что не стыкуется…

– Что именно?

– Фасте позвонил мне спустя несколько часов после того, как получил результаты. Оказалось, он успел провести исследование… А попросту прочитал в «Википедии», что просветленные буддисты имеют право лишать себя жизни. Фасте это очень рассмешило. «Наш парень отбыл в Нирвану» – так он сказал.

– О боже…

– Я не стала с ним спорить, просто ушла домой в расстроенных чувствах.

– Но почему?

– Я все вспоминала его тело… До сих пор мне не приходилось видеть ничего подобного… Жизнь этого человека была сплошная борьба, на пределе возможностей. Каждая жилка, каждый мускул свидетельствуют об этом. Трудно поверить, что он кончил тем, что просто наглотался таблеток. Думаю, здесь нельзя исключать умышленное убийство.

Микаэль задумался.

– Вы должны сказать им об этом… Я имею в виду, не один же Фасте им занимается.

– Разумеется. Мне просто нужно было подстраховаться, ну… на случай, если полиция проигнорирует мою версию. Поэтому я позвонила вам.

– Я благодарен вам за это.

Микаэль вспомнил Софи и их беседу в кафе-баре на Санкт-Паульсгатан. Не пора ли связаться с Катрин Линдос? Возможно, было бы правильнее, если б ее допросили в полиции, но Ханс Фасте…

– И вы все еще не знаете, кто он? – спросил Микаэль доктора Нюман.

– Нет, ни единого намека. Человек с такими приметами не объявлялся в розыск, но этого я как раз ожидала. Результаты секвенирования ДНК – вот и все, что у меня пока есть. И это аутосомная ДНК, а мне, чтобы двигаться дальше, нужен анализ митохондриальной и игрек-хромосомы…

– И все-таки, многие должны его помнить, как вы думаете? – перебил ее Блумквист.

– Что вы имеете в виду?

– Он был заметной фигурой. Этим летом я замкнулся в своих проблемах, но другие-то должны были его видеть. Полиции стоит опросить людей в окрестностях Мариаторгет.

– Я им передам.

Микаэль задумался.

– И еще одно, – снова раздался голос Фредрики.

– Да?

– Не думаю, чтобы эти таблетки ему прописал врач, – продолжала она. – Парень явно не из тех, кто любит ходить на прием к психиатру. Полагаю, существует черный рынок таких препаратов… Полиция должна знать об этом больше.

Фредрика Нюман замолчала на пару секунд.

– Черт… – выругалась она.

– Что такое?

– Я идиотка.

– Не согласен.

– Нет, правда… Вы ведь его вспомнили, а я совсем забыла об этом.

Микаэль оглянулся на наполовину собранную дорожную сумку. Похоже, поездка в Сандхамн откладывалась.

* * *

Он успокоил Фредрику Нюман, сказав ей что-то ласковое. Она не разобрала, что именно, и завершила разговор. Фредрика почти не слушала Аманду, хотя

извинилась за кислый вид, когда та спросила, как быть с ужином. Пробормотала что-то насчет того, что нужно заказать еду по Интернету.

– Что именно?

– Что угодно – роллы, пиццу, чипсы…

Фредрику нисколько не заботило, что девочки уставились на нее, как на ненормальную. Она закрылась у себя в кабинете и тут же написала в лабораторию судмедэкспертизы. Нужен сегментарный анализ ДНК волоса, и немедленно. Рано или поздно это все равно пришлось бы сделать. Он должен был показать, сколько зопиклона и декстропропофиксена было в крови мужчины за неделю, две, несколько месяцев до смерти. Другими словами, принимал ли он эти препараты более или менее регулярно, что, безусловно, многое прояснило бы в его истории.

Мысли об этом заставили Фредрику Нюман забыть не только о бессоннице, дочерях и болях в спине, но и о бессмысленности ее затеи. В самом деле, всю жизнь Фредрика только и занималась тем, что расследовала подозрительные случаи смерти, но такое непреодолимое желание во всем разобраться испытывала впервые. И это было по меньшей мере странно.

Покойник не просто разбудил ее любопытство. Фредрика даже дала волю воображению, придумывая романтическую биографию, какой, по ее мнению, заслуживало его истерзанное тело. Часами разглядывая полицейские снимки, она обнаруживала все новые и новые детали.

Кем ты был, незнакомый друг?

Что заставило тебя пуститься в это странствие по кругам ада?

* * *

Микаэль Блумквист собирал информацию о Катрин Линдос в Сети. Ей было тридцать семь лет, она преподавала в Стокгольмском университете политологию и экономику, выступала со статьями в «Свенска дагбладет», журналах «Аксесс» и «Фокус» и имела репутацию последовательного

консерватора, выступая за запрет на попрошайничество, говоря о вреде денежных пособий и недостатках шведской школы. Она была монархисткой, сторонницей сильной власти и традиционной семьи – каковой, как кажется, сама не имела. Ее считали феминисткой, при этом Линдос нередко настраивала феминисток против себя. Она вообще, похоже, обладала незаурядной способностью вызывать одинаковую ненависть и правых и левых. Список ее работ оказался довольно длинным. «Мы должны выдвигать требования, – писала она, – это заставляет нас расти».

Линдос ненавидела ханжество, лицемерие и религиозный фанатизм. С последним, впрочем, была осторожна. В статье о конструктивной журналистике в «Свенска дагбладет» она писала, что Микаэль Блумквист «на словах выступает против популистов, но на деле льет воду на их мельницу, показывая наше общество с самой невыгодной стороны».

Ее беспокоило, что молодые журналисты ему подражают. Что Блумквист склонен видеть в человеке жертву и слишком легко берет сторону противников сильных мира сего. Что он ищет проблемы, а не пути их решения.

«Что ж, одно к другому, – думал Микаэль. – Все это вполне в ее духе».

Он не считал себя ангелом и готов был признать за собой и худшие преступления, но… В этой «консерваторше» и в самом деле было что-то пугающее. Одним своим взглядом она будто обвиняла Блумквиста в том, что тот не моется, не застегивает штаны, ест из грязной посуды и пьет йогурт прямо из пакета. На дне глаз Катрин Линдос лежало по ледышке, но это лишь подчеркивало ее холодную красоту.

Микаэль думал о ее странной встрече с покойником. Ледяная принцесса и нищий – что могло их связывать? В конце концов он узнал ее номер, позвонил и, не дождавшись ответа, вздохнул с облегчением. Нет так нет. Откровенно говоря, вся эта история не стоила выеденного яйца. Блумквист направился к гардеробу, выбрал еще пару рубашек и жилет, на случай если вздумается подольше поторчать на корме Плавучего отеля в Сандхамне… В этот момент зазвонил телефон. Это была Катрин Линдос, и ее голос оказался таким же холодным, как и глаза.

– В чем дело?

Микаэль размышлял, что бы такое лестное сказать насчет ее газетных колонок, чтобы хоть немного расположить к себе. Но в голову не пришло ничего подходящего, и тогда он удовлетворился тем, что спросил, не помешал ли ей.

– Да, я работала, – раздраженно ответила Катрин Линдос.

– Может, в таком случае отложим разговор?

– Возможно, но прежде я хотела бы узнать, в чем дело.

«Я пишу про тебя ругательную статью», – мысленно ответил ей Блумквист.

– Софи Мелкер говорила, что на этой неделе у вас была одна неприятная встреча… я имею в виду того нищего в голубом пуховике.

– У меня часто бывают неприятные встречи, – ответила Линдос. – Это часть моей работы.

«Бог ты мой…» – подумал Блумквист.

– Не припомните, что вам говорил этот человек?

– Пьяный бред, не более.

Микаэль еще раз взглянул на ее фотографию в Сети.

– Вы на работе? – спросил он.

– А что?

– Подумал, не заглянуть ли мне к вам на минутку. Вы ведь на Мэстер-Микаэльсгатан, так?

Блумквист и сам не понял, как ему пришло в голову такое предложить. Но если он и в самом деле хотел что-то узнать, им нужно было встретиться.

– Хорошо, – коротко согласилась она. – Через час.

* * *

За окнами пражского отеля по площади Республики прогрохотал трамвай. Лисбет слишком много пила, не отрывая глаз от монитора, экранированного клеткой Фарадея[15 - Клетка Фарадея – устройство для экранирования аппаратуры от внешних электромагнитных полей. Внешне представляет собой решетку, выполненную из токопроводящего материала.]. Время от времени ей действительно удавалось расслабиться, но всякий раз лишь благодаря алкоголю и сексу. И только для того, чтобы потом снова погрузиться в работу.

Прошлое крутилось в голове, подобно центрифуге, и это была не жизнь, а чистое безумие. Лисбет только и делала, что ждала чего-то, напряженно вслушиваясь в каждый звук, пока наконец не решила перенять инициативу. Но ничто не давалось легко.

Катя Флип, которую рекомендовал Чума, в самом деле оказалась сущим дьяволом. Хотя дело долго не шло дальше обычного трепа. Катя требовала денег и повторяла, что никто не воюет с мафией с дубинкой в руках. Особенно после того как в дело вмешался Иван Галинов.

О Галинове вообще говорили много, почти как о Кузнецове. Лишь после длительных препираний в секретной Сети Лисбет уговорила Катю спрятать IMSI-перехватчик в кустах рододендрона в сотне метров от особняка Камиллы на Рублевке. С еще большим трудом далось поймать номер отслеживания – так называемый IMEI – в мобильнике. Но даже это ничего не гарантировало и еще меньше помогало против призраков прошлого, все так же роившихся в голове. И Лисбет все дольше засиживалась в баре за бутылкой водки или виски и смотрела на особняк Камиллы, транслированный на дисплей мобильника при помощи спутникового канала, который она взломала.

В таком оцепенении Лисбет пребывала большую часть дня. Она забросила тренажеры и перестала выходить на улицу. Вот и на этот раз только стук в дверь заставил ее подняться. Вошла Паулина. Лисбет не воспринимала ее болтовню, пока не расслышала обращенный к ней вопрос:

– В чем дело?

– Ни в чем.

– Но ты выглядишь…

– … как будто у меня что-то случилось, – закончила Лисбет за нее фразу.

– Ну да, что-то в этом роде. Могу я что-нибудь для тебя сделать?

«Держаться от меня подальше», – мысленно ответила ей Лисбет, прошла в комнату, легла на кровать и спросила себя, решится ли Паулина лечь рядом.

* * *

Микаэль взял ее ладонь. Рукопожатие Катрин Линдос оказалось крепким, но смотреть ему в глаза она избегала. В голубом жакете с юбкой и белой блузой, застегнутой у самого подбородка, с шалью в шотландскую клетку и черными туфлями на высоком каблуке, Катрин походила на учительницу из английской школы. Похоже, она была здесь одна. На доске объявлений висела ее фотография в компании Кристин Лагард, директора Международного валютного фонда. Они смотрелись как мать и дочь.

– Впечатляет, – заметил Микаэль, кивая на снимок.

Катрин оставила эту реплику без комментариев. Указала Блумквисту на кресло и устроилась напротив, с прямой, как палка, спиной и скрещенными ногами. Микаэль почувствовал себя словно на аудиенции в королевском дворце.

– Спасибо, что согласились встретиться.

– Не стоит благодарности.

Она смотрела так, словно хотела спросить, почему он так плохо о ней думает.

– Начну с того, что я не собираюсь писать о вас, – сказал Блумквист. – Поэтому не стоит так напрягаться.

– Пишите, что вам угодно, – холодно отозвалась она.

Микаэль улыбнулся:

– Ловлю на слове.

Катрин улыбнулась в ответ.

– Я и в самом деле взял отпуск, – продолжал он.

– Что ж, это хорошо.

– Вы даже не представляете насколько…

Блумквист вдруг почувствовал непреодолимое желание спровоцировать ее.

– Итак, – начал он, – меня интересует тот нищий. Его нашли мертвым несколько дней назад, с номером моего телефона в кармане. – Мысленно добавив: «Хотя какое дело тебе до его смерти…»

Катрин Линдос кивнула.

– Подозреваю, ему было что рассказать мне. Поэтому интересуюсь вашей встречей.

– Он только кричал и размахивал у меня перед носом какой-то веткой, – ответила Катрин. – До смерти меня напугал.

– Что же он кричал?

– Какую-то чушь.

– Что за чушь?

– Что Юханнес Форселль – подлый тип… что-то вроде этого.

– То есть так прямо и кричал?

– Что-то о Юханнесе Форселле, во всяком случае. Честно говоря, я думала, как бы поскорей улизнуть, ни о чем другом. Но он вцепился мне в рукав… Простите, наверное, я должна была проявить больше интереса к его версии теории заговора.

– Понимаю вас. – Блумквист разочарованно вздохнул.

Он и без того был наслышан о министре обороны. Личность Юханнеса Форселля давно и активно обсуждалась в Сети, и накал страстей не спадал. Отчасти все объяснялось бескомпромиссностью Форселля по отношению к правым экстремистам, ксенофобам и все более агрессивной политике России, отчасти его имиджем. Форселль был прекрасно образован, богат, занимался плаванием и бегал марафон. В голосе такого политика слишком легко расслышать нотки превосходства, а это всегда раздражало людей.

Но Микаэлю Форселль нравился. Время от времени они встречались в Сандхамне и обменивались вежливыми фразами. Из профессионального долга Блумквист тщательно проверил упорные слухи о том, что Форселль немало заработал на биржевом крахе и даже якобы в немалой степени ему способствовал. Подтверждений тому не нашлось. Состояние Форселля управлялось скрытыми рычагами, но никаких крупных сделок ни до, ни во время краха не совершалось. Да и сам обвал, похоже, не особенно его обогатил.

Так или иначе, Юханнес Форселль оставался самым ненавидимым политиком в правительстве. Единственным, что ему пока удалось провести, оставалось увеличение ассигнований МУСТ, шведской военной разведки, и МСБ – управления защиты населения. Что, с другой стороны, было вполне объяснимо с учетом сложившейся ситуации.

– У меня нет привычки идти на поводу уличных сплетников, тем более истеричных, – сказала Картин.

– У меня тоже.

– Рада, что нас хоть что-то объединяет.

Блумквист заерзал в кресле.

– Трудно разговаривать с человеком, который размахивает веткой перед вашим носом, – согласился он.

– Спасибо. Это так великодушно с вашей стороны.

– Но иногда имеет смысл выслушивать даже глупости. Даже они порой содержат в себе зерно истины.

– Вы решили дать мне профессиональный совет?

Этот тон раздражал Блумквиста все больше. Так хотелось в конце концов поставить ее на место…

– И знаете, – как ни в чем не бывало продолжал Микаэль, – я верю, что человек может сделаться безумцем оттого, что его никто не слышит.

– Что?

– Легко сойти с ума, когда тебя игнорируют, – повторил Блумквист.

– Хотите сказать, что такие, как я, никогда не станут слушать бездомного психопата на улице?

– Этого я не говорил.

– Но прозвучало именно так.

– Прошу прощения в таком случае.

– Спасибо.

– Вам ведь тоже пришлось нелегко, как я слышал, – продолжал Микаэль.

– Какое отношение это имеет к делу?

– Никакого, полагаю.

– В таком случае, была рада встретиться.

«Черт, – выругался про себя Блумквист. – Что это на меня нашло?»

У него возникло ощущение дуэли или боксерского поединка. Как будто на ринге он, сам не заметив как, чуть ли не вплотную приблизился к сопернику. И чувствовал на себе его дыхание, видел блеск в глазах, и то, как поднималась под блузой грудь, как клонилась набок голова. Блумквист поцеловал Катрин Линдос, поняв на какое-то мгновенье, что совершает непоправимую глупость, и она ответила на его поцелуй. А потом несколько секунд оба недоуменно смотрели друг на друга, пока Катрин не привлекла его к себе, обхватив за шею, и не повалилась с ним на диван, а потом на пол, и Блумквист наконец осознал, что хотел Катрин с той самой минуты, когда впервые увидел ее лицо на мониторе ноутбука.

Глава 9

24 августа

В лаборатории судмедэкспертизы Фредрика Нюман думала о девочках и о том, что пошло не так.

– Ничего не понимаю, – пожаловалась она коллеге Маттиасу Хольстрёму.

– Чего ты не понимаешь, Фредрика?

– Что на меня нашло. Откуда во мне столько злобы по отношению к Жозефине и Аманде.

– А в чем причина?

– Они были со мной слишком высокомерны. Даже не поздоровались.

– О боже, Фредрика… Они же подростки. Вспомни себя в их возрасте.

Фредрика помнила. Она была образцовой девочкой. Хорошо училась, играла на флейте и в волейбол, пела в хоре. Не говоря о безукоризненной вежливости. «Да, мама… конечно, папа…» Не школьница, а маленький солдат. Она, конечно, была невыносима на свой лад, но все-таки… Как можно не замечать мать!

Подобное Фредрике казалось немыслимым. Неудивительно, что настроение день ото дня падало, а вечерами она кричала, как безумная. Просто она устала. Ей бы успокоиться, уснуть… Имело смысл прописать себе снотворное, может, даже какой-нибудь наркотик. Почему нет, если другое не помогает? Будь она сейчас таким же послушным подростком, непременно подсмотрела бы, как это делается. Растворила бы пару таблеток в красном вине, смешала бы со средствами от головной боли… Фредрика рассмеялась и поделилась своими мыслями с Маттиасом. И тот ответил такой вежливой улыбкой, что на него тоже захотелось накричать.

Потом Фредрика вспомнила нищего с Мариаторгет. Он был единственным, что до сих пор заставляло ее работать, закрыв глаза на то, что полиция давно наплевала на это дело. Фредрика заказала радиоуглеродный анализ пробы с зубов. Углерод-14 поможет установить возраст покойника, а углерод-13 расскажет о пищевых привычках детства, когда зубы только формировались, и укажет на воздействие кислоты и стронция.

Фредрика уже сопоставила фрагменты аутосомной ДНК с всемирной базой и установила, что мужчина, по всей видимости, прибыл из южной части Центральной Азии. Правда, это мало что давало, поэтому доктор Нюман так ждала результатов сегментационного анализа ДНК волоса. Процедура могла занять несколько месяцев, и Фредрика нажимала на химическую лабораторию судмедэкспертизы. Вот и сейчас решила в очередной раз побеспокоить секретаря.

– Ингела, – сказала она в трубку. – Неудобно тебе надоедать, но…

– Обычно ты надоедала меньше всех, – перебила Фредрику Ингела. – Только в последнее время исправилась.

– Как мои пробы?

– Того неопознанного, ты имеешь в виду?

– Да, ДНК волоса.

– Погоди, загляну в рапорт.

Фредрика нервно постукивала по столу. Оглядывалась на часы на стенке. Двадцать минут одиннадцатого – скоро обед.

– Как ни странно, все готово, – послышался в трубке радостный голос Ингелы. – Я тебе пришлю.

– Прочитай, что там написано.

– Погоди-ка…

Фредрика заерзала на стуле.

– Похоже, у твоего бездомного были длинные волосы, – продолжала Ингела. – У нас целых три фрагмента, и результаты… все отрицательные. Никаких следов опиатов или бензола.

– То есть он не употреблял…

– Только алкоголь. Или нет, погоди… арипипразол… это ведь нейролептик, верно?

– Именно, применяется для лечения шизофрении.

– Употреблял, но достаточно давно… Это всё.

* * *

Фредрика положила трубку и задумалась. Итак, покойник не принимал психотропных препаратов – кроме арипипразола много лет назад. Что это значит? Фредрика прикусила губу и раздраженно посмотрела на Маттиаса, с лица которого не сходила глупая улыбка.

С другой стороны, это естественно, или как? Однажды мужчина, возможно, по неосторожности, проглотил горсть таблеток, которые каким-то образом вдруг попали к нему в руки… Или кто-то намеренно подмешал снотворное ему в алкоголь? Интересно, каково это на вкус? Наверное, не очень… Но бездомный, похоже, не отличался особой придирчивостью. И все же, кому понадобилось его убивать? Этого никто не знает. Пока, во всяком случае. Однако, с учетом всех обстоятельств, этот сценарий исключать нельзя. Причем вряд ли это было сделано в спешке. Подмешать таблетки в содержимое бутылки, да еще добавить опиатов – это требует, как сказала бы Фредрика, некоторой изощренности. И потом, этот декстропропоксифен…

Декстропропоксифен.

Он смущал доктора Нюман больше всего. С десктропропоксифеном коктейль выглядел совершенным. Как будто его готовил квалифицированный фармацевт. Почувствовав возбуждение в теле, Фредрика задумалась. Что делать? Звонить Хансу Фасте не хотелось. Она дописала отчет и набрала номер Блумквиста.

* * *

Катрин Линдос сидела в летнем домике Микаэля Блумквиста под Сандхамном и пыталась скомпоновать передовицу для «Свенска дагбладет». Получалось плохо. Катрин не чувствовала никакого воодушевления, только усталость. По большому счету ей было наплевать на все и вся, кроме Блумквиста, что самой ей казалось сущим идиотизмом. Но ничего не помогало. Ей бы вернуться домой, заняться кошкой, цветами… показать свою независимость, так или иначе.

Но Картин не двигалась с места, она словно приклеилась к Блумквисту. Странно, но теперь они даже не спорили, только любили друг друга да разговаривали часами. Вечность тому назад Катрин уже была влюблена в него, как и все

молодые журналистки в то время, и все-таки находила в высшей степени удивительным то, что приключилось с ней теперь. Катрин не сомневалась в том, что Блумквист ее презирает, более того – хочет подставить. Нередко она демонстрировала раздражительность – как всегда, когда чувствовала, что на нее давят, – и не раз собиралась выставить его из своего кабинета, но ничего не могла с собой поделать.

Катрин Линдос стала полной противоположностью тому, что о ней думали люди. Теперь ее не заботило даже, что коллеги могли нагрянуть в любой момент. Она просто набросилась на Блумквиста, не переставая себе удивляться. А потом они вышли выпить вина – то, чего она до сих пор себе не позволяла. А поздно ночью прибыли на Сандхамн на водном такси и ввалились к Блумквисту в дом. И теперь дни напролет только тем и занимались, что лежали в обнимку, сидели в саду или совершали морские прогулки на катере.

И все-таки до сих пор Катрин не могла поверить, что все это всерьез. И не проронила ни слова о том, что на самом деле чувствовала, – о не отпускавшем ни на минуту страхе. Теперь она твердо решила, что уедет домой завтра утром, если не сегодня вечером. С другой стороны, сколько раз она уже собиралась это сделать… И в результате оставалась на месте.

Часы показывали половину одиннадцатого, с моря дуло. Катрин взглянула на небо и зеленого воздушного змея, чей хвост нервно бился на ветру. Рядом что-то зажужжало.

Это был мобильник Микаэля. Сам Блумквист совершал утреннюю пробежку, и Катрин поначалу решила не отвечать. Но потом взглянула на дисплей. Фредрика Нюман – врач судебной экспертизы. Микаэль много рассказывал о ней. Катрин подумала еще пару минут и взяла трубку.

– Алло.

– Мне нужен Микаэль, – сказала женщина.

– Он на пробежке. Что-нибудь передать?

– Передайте, чтобы перезвонил мне, – ответила доктор Нюман. – Скажите, что я получила результаты анализов.

– Это насчет того нищего…

– Именно.

– Вы знаете о нашей с ним встрече?

– О какой встрече? – В голосе доктора Нюман слышалось удивление.

– Он набросился на меня на улице.

– Простите, но кто вы?

– Катрин, подруга Микаэля.

– Так что случилось?

– Он напал на меня на Мариаторгет и стал кричать.

– Чего он хотел?

Катрин уже жалела, что завела этот разговор. Холод, словно неизжитый ужас прошлого, снова подступил к сердцу.

– Видимо, поговорить о Юханнесе Форселле.

– Министре обороны?

– Да. Похоже, хотел его в чем-то обвинить, как многие… Я не стала слушать, убежала.

– Откуда он вообще взялся? Что вы об этом знаете?

Катрин подумалось, что доктор Нюман, во всяком случае, знает об этом гораздо больше ее.

– Не имею ни малейшего представления, – ответила она. – Так что за анализы?

– Об этом мне будет лучше поговорить с Микаэлем.

– Что ж, он скоро вернется. Я передам ему, чтобы перезвонил вам.

Катрин дала отбой, но страх не отпускал. Она хорошо помнила того нищего возле статуи на Мариаторгет. Каждая встреча с ним оставляла ощущение дежавю и будила смутные воспоминания из детства. В тот раз Катрин улыбнулась ему, возможно, несколько нервно. Она часто улыбалась при виде бродяг и попрошаек, словно хотела их таким образом подбодрить. Но мужчина повел себя странно. Он вскочил, схватил ветку, которая лежала рядом с ним, и бросился на Катрин.

– Famous lady, famous lady…[16 - Знаменитая леди, знаменитая леди… (англ.).]

Катрин так и остолбенела на месте. А потом разглядела обрубки вместо пальцев, черные пятна на его щеках, отчаяние в глазах и желтую кожу – и ноги словно приросли к земле. И только когда он схватил ее за рукав и принялся кричать что-то о Юханнесе Форселле, увернулась и пустилась наутек.

– Ты так и не вспомнила, что именно он кричал? – спрашивал Микаэль.

«Пьяный бред, не более», – повторяла Картин, и это было не совсем правдой. Вспоминая его слова, она больше не воспринимала их как нечто невразумительное или то, что обычно говорят о Форселле. Теперь Катрин слышала в них совершенно иное.

* * *

Вспотевший и запыхавшийся, Микаэль возвращался домой. Оглядевшись в очередной раз и убедившись, что вокруг никого нет, он снова решил, что всему виной его разыгравшееся воображение.

В последнее время Блумквиста не покидало чувство, что за ним следят. Уж слишком часто, как ему казалось, на глаза попадался мужчина лет сорока, с бородой, забранными в «хвост» волосами и татуировками на руках. На первый

взгляд обыкновенный турист, только уж очень напряженный.

Не то чтобы он особенно беспокоил Блумквиста. Закрывшись в доме с Катрин, тот забывал обо всем. Разве время от времени его вдруг охватывало беспокойство, и в такие моменты Микаэль почти всегда думал о Лисбет. Вот и теперь в голову полезли разные ужасные мысли, и дыхание его участилось. Но небо оставалось все таким же безоблачным. В ближайшие дни, как читал Блумквист, жара не спадет. Хотя, похоже, ветер усиливался, даже попахивало штормом. Микаэль остановился у порога своего дома, взглянул на сад, где не так давно посадил две виноградные лозы, перевел взгляд на море и пляж, потом согнулся, уперев руки в колени, и тяжело задышал.

В доме ему снова стало не по себе, и на память пришел мужчина с «хвостом». Обычно Катрин смешила его тем, что встречала с распростертыми объятьями, как вернувшегося с войны солдата, даже если Микаэль отсутствовал не более десяти минут. Но на этот раз она даже не поднялась с кровати, на которой сидела.

– Случилось что-нибудь? – спросил Микаэль.

– Что?.. нет… – ответила она.

– К нам кто-нибудь приходил?

– А ты кого-нибудь ждешь?

Встретив взгляд Катрин, Блумквист немного успокоился. Погладил ее по голове и спросил, как она.

Катрин ответила, что все хорошо, но он все равно ей не верил. С другой стороны, сколько раз смущали Блумквиста перепады ее настроения… И поэтому, стоило Катрин рассказать о звонке Фредрики, как Микаэль тут же забыл о своих сомнениях, перезвонил доктору Нюман и узнал о результатах анализа ДНК волоса.

– Ясно, – подытожил он. – И какие выводы вы сделали из всего этого?

– Честно говоря, сама не знаю, – ответила Фредрика. – Но выглядит все это подозрительно.

Микаэль посмотрел на Катрин, которая сидела, сложив руки на животе, и улыбнулся ей. Та улыбнулась в ответ. Он перевел взгляд за окно – море пенилось белыми барашками. Его катер с подвесным мотором прыгал на волнах, плохо закрепленный на причале. Блумквист вернулся к прерванному разговору:

– И что говорит Фасте?

– Он еще об этом не знает. Но в отчете я все написала.

– Вы должны поставить его в известность.

– Конечно. Ваша подруга сказала, что нищий упоминал Юханнеса Форселля.

– Форселль, опять Форселль… Все идиоты в округе только о нем и думают. Это похоже на вирус.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кассандра – легендарная пророчица, предрекшая гибель Трои.

2

Троллинг – форма социальной провокации или издевательства в сетевом общении, использующаяся как персонифицированными участниками, заинтересованными в большей узнаваемости, публичности, эпатаже, так и анонимными пользователями без возможности их идентификации. Методы троллей – провокация и подстрекательство, сознательный обман, клевета, возбуждение ссор и раздоров, призыв к неблаговидным действиям.

3

Об этом рассказывается в романе Д. Лагеркранца «Девушка, которая искала чужую тень».

4

Ресторана «Версаль» на Тверском бульваре нет.

5

Кататонический синдром – психическое расстройство, выражающееся в том числе в крайней заторможенности движений.

6

Привет, привет… входи, прием (англ.).

7

«Уоки-токи» – мобильная радиостанция.

8

ГРУ – Генеральное разведывательное управление, орган внешней разведки Министерства обороны РФ.

9

Убить мир ложью, давая лидерам силы парализовывать. Подпитывать убийц ненавистью, ампутировать, опустошать, поздравлять… И никогда, никогда не просить прощения (англ.).

10

IT – информационные технологии.

11

Змей Мидгарда, или Ёрмундганд – морской змей из скандинавской мифологии, убитый богом Тором. Мидгард – «срединный мир», то есть населенный людьми.

12

Хотелось бы, чтобы это было так (англ.).

13

«Спотифай» (англ. Spotify) – интернет-сервис потокового радио, позволяющий легально и бесплатно прослушивать более 50 миллионов музыкальных композиций, аудиокниг и подкастов без скачивания.

14

IMSI-перехватчик – специальное устройство, маскирующее себя под базовую станцию телефонной сети. Используется спецслужбами для перехвата и мониторинга сообщений без ведома операторов мобильной связи.

15

Клетка Фарадея – устройство для экранирования аппаратуры от внешних электромагнитных полей. Внешне представляет собой решетку, выполненную из токопроводящего материала.

16

Знаменитая леди, знаменитая леди… (англ.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/david-lagerkranc/devushka-kotoraya-dolzhna-umeret

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить